

Менеджерам нового поколения посвящается

ИМ ХОЧЕТСЯ ЭТОГО ВСЕГДА

Макс
Нарышкин

Нет ничего страшнее затаенных мыслей персонала!

Макс Нарышкин
ИМ ХОчется этого всегда

«ЭКСМО»

2008

Нарышкин М.

ИМ ХОчется этого всегда / М. Нарышкин — «Эксмо», 2008

В крутой переплет попал бизнесмен Игорь Лисин. В возглавляемой им компании «Глобал» против него возник заговор. Среди бела дня убит ножом сотрудник компании, и затем последовали новые убийства. И обвиняют в них никого иного, как Лисина. Он ждет суда в «Матросской тишине». Он знает и убийцу, и как его подставили, но не может привести доказательства своей невиновности. Ему ничего не остается, как затеять свою игру. В задуманной им комбинации самая важная роль отведена молодой журналистке Жене...

© Нарышкин М., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Макс Нарышкин

ИМ ХОчется этого всегда

Первый признак порчи общественных нравов – это исчезновение правды.

Правда, которая ныне в ходу среди нас, – это не то, что есть в действительности, а то, в чем мы убеждаем других. Совершенно так же, как и с обращающейся между нами монетой: ведь мы называем этим словом не только полноценную монету, но и фальшивую.

Мишель де Монтень

Пролог

Деревья распустили листву еще в конце апреля, и теперь, спустя три месяца, зелени в городе было столько, что это казалось легкомысленным расточительством. Никто не знал, что готовит погода столице осенью, но временами уже начинал поддувать ветерок, на пару градусов ниже стоящей температуры, а потому все были уверены, что будет все-таки не так жарко, как летом. Асфальт дымил с утра, поливальные машины лишь добавляли пару. Словно кто-то брал ковш воды в сауне и плескал на камни. Фонтаны превратились в излюбленное место встреч мам с малышами, а Пушкин тоскливо отдыхал в одиночестве, уже целый месяц не слыша признаний и проклятий. В общем, заканчивалось очередное ненормальное лето.

Ненормальным было все. Потребление спиртного в тридцатиградусную жару, количество инфарктов по сравнению с апрелем, и радовала только мысль о том, что Олимпиаду в Сочи мы все-таки выиграем. Не саму, конечно, а хотя бы право быть причастными к ней больше, чем те, кто ее выиграет. Ненормальной была духота, с которой не справлялись ни кондиционеры, ни антиперспиранты «Леди Спид Стик» с невидимой защитой, гарантирующие отсутствие белых полос, ни боржоми областного разлива. Ненормальным было даже то, что никто не хотел в Италию, там плюс 45. Тот случай, когда в Италию не хочется. В редакции была суета еще больше, чем зимой, и когда Женя вошла в свой кабинет, она снова возненавидела день.

Не успела она поставить сумку на стол, как запиликал телефон. Кто-то видел, как она заходила в редакцию, и, вероятно, решил поздороваться. Но поскольку в принцип ненормальности включалось все без исключения, то звонившим оказался главный редактор.

– Женя, зайди ко мне, – сказал он.

– А где – «Здравствуй, Женя»?

– Заодно и здороваемся.

Она вынула из сумки телефон, на тот случай, если позвонит тот ненормальный, что достает ее уже целый месяц и просит встречи, подумала, куда можно положить трубку, не придумала, да так и пошла с ней в руке. Сарафан и легкие, почти невесомые босоножки в офисах пришли на смену строгим костюмам, и даже телеведущие в конце лета одеваются так, словно сразу после прямого эфира собираются направиться на пляж. Женя отметила про себя тот факт, что худые мужчины и полные женщины чувствуют себя куда увереннее зимой. Ущербность мужиков и ожирение дамочек скрывают пуховики и пальто. С приближением лета начинается гон. Те и другие хотят прямо противоположного. Была бы возможность, одни забирали бы у других то лишнее, чего им недостает. В Жене лишнего веса не было ни на грамм.

– Привет!

– Привет.

Кто это был, она даже не заметила.

Дойдя до двери главного, она постучалась и тут же вошла. Марат Валентинович Боше сидел в кресле, изнывая от жары. Пиджака на нем не было, и его бы воля, он скинул бы и рубашку, и майку. Да и брюки заодно, оставшись в трусах и босиком.

– Как спала?

– А где – «Здравствуй, Женя»?

– Господи боже... Ну, здравствуй, Женя. Полегчало?

– Значительно.

– Так как спала?

– С каких это пор ты стал интересоваться моим сном?

– Я просто не знаю, с чего начать. – Боше дотянулся до сифона и выстрелил из него струей в стакан.

– Зайти попозже?

– Сиди. Пить хочешь? – он кивнул на сифон.

Женя помотала головой, и хвостик на затылке хлестнул ее по лицу. Так сильно не хотелось пить.

– И правильно. Дерьмо, а не вода. На, смотри, – и Боше, ловко выхватив из кипы бумаг на столе конверт, бросил его перед журналисткой.

– Что это?

– Ты что, читать разучилась?

– Ты сказал – «смотри».

Боше был явно не в духе. Женя понимала почему. Сто килограммов веса при росте в сто семьдесят сантиметров – сущая мука даже в декабре. А за окном лето... Он пил дерьмовую воду и, чтобы было не так обидно, предлагал ее другим.

Развернув конверт и вынув из него лист, она быстро пробежала его глазами.

«Главному редактору „Московского Слова“ Боше М.В.

Прошу прислать ко мне для интервью журналиста.

С уважением, Лисин И.И.»

– Не рассердишься, если я повторю вопрос?

– О Лисине слышала?

– О нем вся Москва слышала. Как *до*, так и *после*. Кажется, какой-то олигарх.

– Ну, до олигарха ему, конечно... В общем, в «Матросской Тишине» он. Этого Лисина подозревают в нескольких убийствах.

– Боюсь, что уже не подозревают. Если верить телевидению Москвы, то уже не подозревают, а предъявили обвинение и направили дело в суд.

Пропустив это мимо ушей как малозначимое, Боше с равнодушным лицом поискал сигареты, не нашел.

– Еще вчера за интервью с ним я заплатил бы организатору без раздумий. Но каждый раз, когда намеревался предложить это, всякий же раз убеждал себя в том, что Лисин не потерпит в тюрьме никаких журналистов. А тут нате... В общем, ситуация такова, что без профессионала не обойтись. Я так думаю, что разговор будет интересный, и если мы выхватим интервью с Лисиным, то хороший рейтинг нам обеспечен. Бери все, что тебе нужно, и прямо сейчас отправляйся.

– Марат Валентинович, – опешив, пробормотала Женя, – о каком интервью речь? Ты же знаешь, что нас никто не впустит туда.

– Впустят. Распорядились с Большой Дмитровки. Еще бы, для прокуратуры такой успех... Через неделю-другую ему объявят приговор. Я не знаю, какого черта нужно Лисину от моей газеты, но я точно знаю, что мне нужно от Лисина.

– Почему я?

– Нужен лучший... – Он выпил еще стакан и поставил неподалеку от себя. – А кто у нас лучший?

– А кто у нас по заграницам мотается в качестве специального корреспондента? – напомнила она.

– Трекалов, что ли? – Боше надул и без того пухлые губы. – Я не слишком хорошо его знаю, чтобы поручать серьезное дело.

– И все равно взял на работу.

– Ты знаешь, почему я взял Трекалова на работу. Точнее, почему мне его устроили... Пусть он лучше о колбасных праздниках в Баварии пишет, чем здесь сидит за столом и смотрит в стену.

– Но он же сейчас здесь?

– Да, он здесь. Сидит за столом, повторяю, и смотрит в стену. А муза все не летит. Она его потеряла на полпути в Россию.

– Но ты же всегда восхищаешься, когда читаешь его статьи?

– Я восхищаюсь тем, что он пишет их там, а не здесь. Трекалова я послать не могу. И точка. Своим творчеством он напоминает мне раннего Бунина. Очень раннего. Праздник пива – другое дело. Но интервью с убийцей-миллионером ему не по зубам, – сказал Боше так, чтобы в голосе не чувствовалось сомнения. – Мне не нужен в сенсационном материале художественный свист. Трекалов испортит все дело или выпустит Лисина на волю.

– Я думала, ты не слишком хорошо его знаешь.

– Достаточно, чтобы понять, что этот парень не для этой работы. В общем, звони в транспортный отдел насчет машины, а материал по взяточничеству передай Комарову... или нет, лучше Трекалову. Статья должна быть такой, чтобы не было понятно, то ли губернатор взял того, кто взял взятку, то ли губернатора взяли за взятку. Словом, чтобы было ясно только одно – губернатор замешан во взяточничестве. Как раз для Трекалова тема. Потом позвони в «Матросскую Тишину», сообщи, что едешь, чтобы тебе успели подготовить условия.

– Но сначала позвонить в транспортный отдел?

– Если, конечно, ты не можешь сделать три дела одновременно.

– Как насчет поездки в Анталию в сентябре?

– Ты ставишь меня в неловкое положение. Я не в силах тебе отказать, хотя точно знаю, что обязан это сделать... – Он постучал доньшком стакана по столу. – И премия в тысячу долларов, если материал пойдет.

– Значит, ты не знаешь, что ему нужно от газеты?

– Женя... – Боше провел по ее лицу взглядом мудрого, понимающего в интервью с каторжанами человека. Ему нравилась эта девушка. И не только как сочинитель текстов. – Евгения, меня мало заботит то, что нужно Лисину. Но я понимаю совершенно ясно, что это интервью значит для «Слова». Ему еще не будет объявлен приговор, а мы уже нарисуем картину его последних дней на свободе в тех красках, которые больше импонируют Лисину.

Выйдя из кабинета Боше, Женя с довольной улыбкой пошла по коридору. Кондиционеры работали на полную мощь, и каждые десять шагов ее волосы весело взметались вверх под струями прохлады.

– Женя!

Обернувшись в сторону открытой двери кабинета, она вошла, хотя, если бы не задание, у нее не было никакого желания общаться с блатным журналистом. Блатного в нем было только то, что тесть Трекалова, ректор академии, где обучались сотрудники ФСБ, попросил Боше пристроить к себе малосведущего в вопросах журналистики зятя. Боше сдуру согласился, полагая, что ректоры академий ФСБ дерьмо в карман знакомым не кладут. Оказалось, что еще как кладут. И теперь решительный, но бестолковый паренек разъезжал по европейским спецкомандировкам только потому, что Боше, дабы урвать с паршивой овцы хоть шерсти клок, устроил к

ректору на кафедре гражданского права только что отучившуюся в юридическом вузе и нигде не приглянувшуюся дочь. Надо полагать, что преподавала она в академии ФСБ ровно до тех пор, пока Трекалов был журналистом в «Московском Слове». Боше, профессионал и лауреат Пулитцеровской премии, сетовал на глупую дочь, на бестолкового Трекалова, однако делал это как-то обреченно, считая, видимо, что таковы сегодняшние реалии.

– Жень, как правильно пишется «Цеткин»?

– Не поняла.

– Ну, Цеткин, Цеткин, фамилия такая. Как правильно писать?

– Боже правый, – обалдела она, не сообразив сразу, что такие вещи нужно кому-то подсказывать, – возьми словарь и посмотри!

– Ладно, но на какую букву-то искать?

Оглянувшись, чтобы убедиться в том, что никто их не слышит, она перегнулась через плечо зарубежного спецкора и сдвинула в сторону стойку с вымпелом «Лучшему международному журналисту за 2006 год». Перед Трекаловым лежал конверт, который нужно было отправить по адресу, и беда заключалась в том, что адресат проживал на улице имени Клары Цеткин. Рядом лежал уже подписанный конверт, и там значилось: «Ул. К. Тсеткин, д. 32». Видимо, сама лингвистическая структура написанного вызвала у Трекалова какие-то сомнения, и он решил их развеять, попросив совета.

– Все правильно, – подумав, сказала Женя. – Клара – Тсеткин, Эдуард – Тсеолковский.

Жара была ей уже не в тягость. Она ехала в служебной машине в «Матросскую Тишину», чтобы встретиться с человеком, сведения о котором она выудила из Интернета, задержавшись с выездом на час. Скупые сводки и газетные статьи в информационных электронных изданиях констатировали тот факт, что второго такого мерзавца, как Лисин, в Москве стоило поискать. Он представлялся ей высокого роста отморозком с бычьей шеей, употребляющим блатную речь вперемешку с нанотехнологическими понятиями. Оказалось же, что угадала только с ростом.

Игорь Лисин вошел к ней в кабинет для производства допросов, и она увидела хотя и высокого молодого человека, но без бычьей шеи и толстых пальцев. Он оказался мужчиной приятным, и лишь бледность от долгого пребывания в камере немного портила его интересную внешность. Чуть больше средней длины волосы были аккуратно зачесаны назад и открывали чистый, правильной формы лоб. Взгляд милый, немного потухший. Он окончательно разрушил в ней придуманный ею же образ кровожадного коррупционного тирана. А когда открыл рот, чтобы поздороваться, стало ясно, что он еще и голос имеет приятный и глубокий. Словом, он мало вписывался в образ злодея, с легкостью забиравшего чужие души, в образ, нарисованный коллегами из СМИ.

Переговорив на входе с женщиной в камуфляже и с бычьей шеей, размером с платяной шкаф, она выслушала правила нахождения здесь и, пропустив такие серьезные моменты, как, например, категорический запрет передачи подсудимому компаса и веревки, запомнила главное. У нее будет пять дней по два часа. За десять часов чистого времени обвиняемый в серии убийств владелец компании «Глобал» Лисин Игорь Игоревич должен начать и закончить общение с журналисткой. Пообещав не передавать так необходимый заключенному в московском СИЗО компас, она была потискана бабой, доказала, что в сумочке нет ножа и пистолета, и только после этого ее провели наверх. Через десять минут Лисина привели.

– У вас один час сорок минут, – сообщил надзиратель.

– Мне сказали, что у меня будет два часа.

– Время этапирования заключенного входит в этот период.

– Но почему тогда, черт вас побери, час сорок, а не час пятьдесят? – вспыхнула Женя, не замечая улыбки Лисина.

– Потому что мне заключенного еще обратно вести, – добродушно пояснил надзиратель и исчез.

– Не спорьте с ними, – попросил Лисин. – Это самое бессмысленное занятие после стояния в пробке на Кутузовском. Будем считать, что эти двадцать минут мы потратили на привыкание друг к другу.

– Мы получили письмо...

– Вот так бы мы, верно, и потратили эти двадцать минут, – перебил Лисин. – Я возьму на себя вступительную часть. Я обдумывал ее месяц, а у вас не было и трех часов, так что будем ценить время. Вас зовут Евгения...

– Просто Женя.

– А я Лисин. Игорь Лисин. С одной «с».

– Вы обещали сэкономить для нас время, так действуйте. Я бы и так не взялась писать вашу фамилию с двумя.

– Есть те, что пишут. Итак, я арестован за совершение нескольких убийств. Следствием моя вина доказана, доказательства собраны, и, как заверяет перед телекамерами помощник прокурора Москвы, они-то и легли в основу обвинительного заключения. Я хочу, чтобы вы слушали меня те пятьсот минут, что у нас есть, и перебивали лишь для уточнения непонятных вам моментов. Я же постараюсь говорить так, чтобы появление таких моментов исключить вовсе. Еще я хочу, чтобы статья с моим интервью вышла до того, как мне объявят приговор.

– Я думала, что интервью – это диалог, а не монолог.

– Поверьте, вы услышите ответы на все свои вопросы, даже на те, которые будут приходить к вам после прощания со мной. Знаете, такое бывает. Переговоришь с человеком, кажется, что больше и сказать-то нечего, а стоит разъехаться, как тут же вспоминаешь, что забыл поздравить его сына с днем рождения и передать игрушку, которая все это время лежала на заднем сиденье. – Он потерял руки и вынул из кармана сигареты. – Вы готовы?

Женя в некотором сомнении выложила на стол диктофон, вынула блокнот, вооружилась ручкой и осмотрелась. Ее окружали серые стены, давящие сверху, снизу и со всех сторон. Яичная скорлупа толщиной в метр, и где-то там, за этими ста сантиметрами мертвой тишины – жизнь, троллейбусы, метро, проблемы с такси...

– Корпоративный подарок?

– Что?.. – встрепенулась она и посмотрела на руку. Меж пальцев ее был зажат «Паркер». – Да, шеф нам всем преподнес ко Дню независимости.

– Ко дню независимости чего?

– Ко дню независимости России.

– От кого?

– От... поляков, я полагаю.

– Да, поляки нам всю историю отравили. Представляю, как бы мы жили, если бы не поляки. Он у вас экономный малый, этот главный редактор.

– В чем дело? – обиделась Женя за Боше. – Это перо стоит тысячу долларов.

– Это перо стоит двадцать долларов, изготовлено как раз в Варшаве. Я бы не рискнул делать своим такие подарки, у них утонченный вкус... Тем более ко дню независимости России от Польши.

– Разве у сотрудников компании по производству корма для животных может быть утонченный вкус?

– Скоро вы сами в этом убедитесь, – пообещал Лисин, оценив ершистость гостыи. – Но не будем отвлекаться. Все началось в тот день, когда я приехал на работу, а там меня поджидали все сотрудники отдела продаж во главе с его начальником, Александром Коломийцем...

Глава 1

Утром меня ждал сюрприз. У дверей приемной столпился едва ли не весь штат отдела продаж во главе с его начальником Сашей Коломийцем. Нервное напряжение гуляло по замкнутому помещению, то и дело касаясь меня своим тугим хвостом. Пошарив взглядом, я обнаружил прижатого к стенке толпой Факина.

– Бунт? – уточнил я. – Где плакаты «Лисин, отдай нам наши деньги»?

– Нужно поговорить, Игорь Игоревич, – отказываясь от игривого тона, сказал Коломиец.

– Заходи, – тоном Верещагина произнес я, и Коломиец поплелся за мной.

– Вообще-то, мы все хотели поговорить...

– Я собрания организываю только раз в месяц. Садись и говори, у меня нет лишнего тайма.

Коломиец очень огорчился, что не удастся поговорить всем, поэтому начал сразу:

– У меня сегодня утром пропала флэшка. У Гудасова сотовый. Все это случилось за два часа. У коллектива вопрос – кто бы это мог сделать?

– В смысле – схерить?

– За пять лет, что мы здесь работаем, кражи случались всего дважды. И оба раза в это утро.

– У вас, конечно, есть свои версии?

– Чтобы понять, почему происходит то, что не происходило ранее, нужно понять, что еще нового случилось из того, что ранее не происходило. Следствие не может возникнуть без причин, а потому нужно искать причину.

Скидывая пиджак, я покосился на него и уселся за стол.

– А ты бы не косил под Фрадкова. Не тяни kota за яйца, говори по делу.

– Из событий, которые мы выделяем в качестве причины, послужившей к краже, главным является человеческий фактор.

Выждав, я постучал пальцем по своим «Лонжин».

– Через две минуты я выставляю тебя за дверь.

– Пришел новый человек, и сразу стали пропадать вещи, – Коломиец понял, что я не шучу.

– Новый человек – это Факин?

– А больше никого не принимали. – И Коломиец, разведя руки, уставился на меня долгим взглядом. Он добился своего: не он говорил, что Факин – вор, я это за него сказал.

– Конечно, это серьезно, Саша, – согласился я, вынул из лотка чистый лист и толкнул по столу к нему. – Будем что-то решать с этим Факиным. Обрисуй-ка мне все в общих чертах.

– И за Гудасова? – вывинчивая перо из колпачка, оживился Коломиец.

Я смотрел и размышлял над тем, скольким людям губит жизнь вот такое выворачивание...

– Ну, если хочешь, и за него тоже. Он же тебе сообщил первому, так?

Через два часа у меня внешняя встреча, потом деловой обед. Но два часа есть, это я Коломийцу сказал, что времени в обрез, чтобы ни он, ни кто-либо другой не заподозрил, что у меня бывает по два часа свободного времени, да еще с утра.

Получив на руки заявление о пропажах, я кивнул головой и буркнул:

– Веди весь отдел в актовый зал.

Рома Факин сел на галерке, в стороне от коллектива. На нем были белые брюки и светлая рубашка. Куплено все, я уверен, на вчерашние подъемные, которые я велел выдать ему в бухгалтерии в качестве форы. Молодой человек потратил деньги не на пиво, праздную победу, а на вещи для работы, это похвально. Дешевые вещи, паскудные по качеству – я бы сказал, но

по цветовой гамме они подходили к тряпкам персонала компании, и, слава богу, работников выпускали через парадное, не идентифицируя дресс-код. Словом, все старания Факина попасть в струю общего корпоративного настроения были налицо. И мне тут же пришла в голову мысль о том, что карманник, забираясь в автобус, тоже стремится идентифицировать себя с пассажирами. Оценив общую волну настроения, я заметил еще одну интересную деталь. Все переговаривались друг с другом, перегибаясь даже через ряды, на Факина же никто не обращал внимания. Если бы все сидели недвижимо и отдельно, как совы днем, можно было подозревать, что все в шоке и ответ, почему из офиса стали исчезать личные вещи, ими не найден. При таком же положении, когда все были сплочены и лишь Факин бедным родственником сидел на отшибе, у меня, у руководителя, не должно было и тени сомнения возникнуть, кто виноват в том, что начало рабочего дня сорвано. И тут я заметил третью интересную деталь – Факин тоже ни на кого не обращал внимания. Хотя, казалось, обратись сейчас кто к нему, и он тут же пойдет на контакт...

– Итак, Александр, коротко о главном, – и я снова посмотрел на часы. Дурацкая привычка: я делаю вид, что ужасно занят, а многим кажется, что у меня провалы в памяти.

Коломиец встал и, так же как у меня в кабинете, без упоминания имен, изложил самую суть. Из офиса пропали карта памяти и сотовый телефон, принадлежащие сотрудникам. И коллектив просит меня выступить в качестве царя Соломона, то бишь – справедливого арбитра.

Но я-то знаю, что происходит на самом деле.

Я без труда читаю мысли этих двух десятков людей сквозь их прозрачные, но невероятно крепкие черепные коробки на расстоянии, как если бы держал их в руках.

Случилось то, что обычно случается в компаниях, управляемых руководителем, слегка приспустившим вожжи. Налицо все признаки моббинга.

В прошлом году я, потратив порядка десяти тысяч долларов на поиск профессионала, принял заместителем главного технолога Егора Колчакова. Некая схожесть его фамилии с героем Гражданской войны оказала высококлассному специалисту дурную услугу. Он отдал концы за свою веру. Я положил ему немалое жалование, предложил ряд корпоративных привилегий, и когда через месяц адаптации работа завертелась и дела пошли на лад, он явился в мой кабинет и предложил подписать его заявление об увольнении. По собственному, понятно. Я был не в шоке. Меня потрясло состояние грогги. Я влупил в него бешеные бабки, предоставил возможность трижды в неделю ему и его жене посещать элитный клуб, а вместо благодарности эта скотина пишет заявление и отваливает. На выходном собеседовании он выглядел как утомленный возложенными на него обязанностями и походами в клуб лузер, говорил о том, что ухудшилось здоровье, в общем, сам дух компании для него отныне вреден и даже опасен. Отложив эпилог нашего с ним разговора на после обеда, я вызвал всех, кто мог прояснить ситуацию. Главный технолог отморозил меня цитатами, как только что Коломиец, буровил что-то о недостаточной квалификации Колчакова, но по тону его я понял, что уход Колчакова будет воспринят с удовлетворением всеми без исключения сотрудниками отдела вовсе не из деловых соображений.

Офисные сплетни, интриги – это шутки по сравнению с тем, что именуется моббингом. Сломать топ-менеджеру перед внешней встречей перо в «Паркере», чтобы тот обнаружил это в тот момент, когда будет одновременно с партнером по бизнесу под пристальными взглядами десятка видеокамер выкручивать ручку для подписания договора о намерениях, – это еще не моббинг, это пакость, достойная Паниковского. Моббинг способен уничтожить компанию в считанные месяцы. Как только пройдет первый ход, обычно это – проверка руководителя по мелочи, так сразу же последует второй. Уже более основательный. Главное, чтобы прошел первый. Когда я врубился, в чем дело, я уволил Колчакова, потом главного технолога, а после официально урезал жалование сотрудников технологического отдела до тех пор, пока в кассу компании не возвратились те самые десять тысяч долларов. Я делал это открыто, заявляя о

том, что все, кому это не нравится, могут быть свободны по примеру Колчакова, а кому это не нравится, но он не хочет потерять место – жаловаться в профсоюз. Для того чтобы всем стало понятно, что моббинг я не люблю, я поставил последнюю точку. Одного из менеджеров, решившего-таки сыграть роль сексота в отношениях «Глобал» с профсоюзом, я уволил, предварительно вклеив два выговора. Есть люди, которые не понимают или не хотят понять, что все, что они ни делают, – это плохо, а если и называется – хорошо, то только потому, что президент проснулся в добром расположении духа.

Попыток отвергнуть еще кого-то больше не было, я же, впервые столкнувшись с этой паскудной офисной проблемой, как следует ее изучил.

Подобно сифилису, который начинается прыщом на губе, а заканчивается провалом носа и отсыханием члена, моббинг зарождается тихо и незаметно, и так же, как и сифилис, от хорошей жизни. Когда делать нечего, когда стрельба по петухам на экране монитора порядком утомила умы тех, кто наиболее не удовлетворен тем, что у Абрамовича есть яхты, а у них нет даже более-менее приличного мокика, начинают действовать.

«Джон, мне нужно делать доклад о ноу-хау в изготовлении жидкого корма для кошек, где взять?»

«Я знаю одного автора, Толя, его семинары даже столяра превращают в гения животного пищеводства! У меня есть материалы, возьми...»

«Джон, ты мой спаситель! Слушай, у меня доклад в пять, пока я буду с материалом разбираться, не мог бы ты скинуть мне из сети подборку свежих данных?»

«Ноу проблем!»

В пять выясняется:

- а) данные из сети не скачаны, потому что Джон был катастрофически занят;
- б) материал Джона, прозвучавший на совете директоров, – позавчерашний день.

Из-за срыва доклада в пять президент не имеет материала для встречи с немцами в восемь, а еще к нему есть немного вопросов у членов совета директоров, и вот президент уже мчится на Толяна, как подстреленный вепрь.

Это – моббинг, потому что Толян был хорошим специалистом. Ну, если не очень хорошим, то лучше Джона – по всем показателям.

Компания потеряла сотрудника, то есть подорвана ее экономическая мощь, на что Джону по большому счету решительно наплевать, поскольку его зарплата от этого меньше не стала, и никто не узнает, что это он слил Толяна, потому что Толян умнее.

Мне неприятно об этом говорить, но Факин сейчас в чумовом положении. Ему уже подписали приговор, а поэтому в ход сейчас пойдут все методы. Его не будут замечать в кабинете и коридорах, но одному или нескольким будет поручено сыграть в приятели, и эти «приятели» будут накачивать его дезой. Остальные распустят о нем дурные слухи – очень удобно его теперь окрестить, независимо от конечного результата этого собрания, «крысой», к примеру. Ему на сиденье кресла насыплют стриженных волос, и каждое его желание почесаться отныне будет официально трактовано как псориаз, что, без всякого сомнения, отобьет охоту общаться с ним даже у уборщиц.

ПРИДИ К НАМ, ДОРОГОЙ ДРУГ! НАША КОРПОРАТИВНАЯ СЕМЬЯ ВСТРЕТИТ ТЕБЯ ЗАБОТОЙ И ДРУЖБОЙ!

И он (она) пришел (пришла). Пн: «Мариванна, а как сделать вот это?» – «Татьяна, у меня сегодня дел невпроворот». Вт: «Мариванна, а как в компании принято писать вот это?» – «Татьяна, у меня сегодня дел невпроворот». Ср: «Мариванна, а где подписать вот это?» – «Татьяна, у меня сегодня дел невпроворот, спроси у Раислексеевны». «Раислексеевна, а как...» – «Тебя сюда Сидор Сидорович на учебу принял или работать?» Чт: «Сидор Сидорович, эта Татьяна мало того что ни с кем не советуется, так она еще в другие компании звонит и информацию сливает!» Пт: «Уволить Татьяну. Основание: заявление Татьяны».

Это – моббинг. Проблема не только в том, что Танечка не просто красивая девочка, куда красивее Машеньки и Раечки, проблема в том, что Танечка еще и невероятно энергична и умна. И кто поручится за то, что через месяц-другой она не выдавит Раечку и Машеньку? А все потому, что нельзя быть красивой такой...

Это – только прыщик на губе. Как только вариант с Таней прокатит, сифилис поперет дальше. И будет стегать организм доселе цветущей компании вдоль и поперек.

Вдоль он стегает обычно стаф, равный по значению. Стегает коллектив одинаковых одного непохожего. В роли последних обычно выступают Факины, только что прибывшие на работу в брюках фабрики «Северянка», но с немислимым интеллектуальным потенциалом. Штаны-то он новые купит, а куда умище-то девать? – его не растеряешь, коли есть... Умище только окрепнет, и этот дуэт с новой парой от Версаче вскоре засияет новой звездой, снисходя лишь до того, чтобы бросать на остальных отражающиеся от себя солнечные зайчики. Никто не хочет быть поверхностью, по которой бегают зайчики, – не замечали? Засиял, паскуда, а теперь босс поднимает планку и заставляет сиять всех! Штаны-то, блин, есть у всех – а умище-то где брать?!

Но есть спасение! «Вам на помощь придет моббинг. Наш моббинг обосрет брюки всех неугодных!»

Поперек стегает сифилис, прыщ от которого вскакивает на лбу и прет к ногам или наоборот. То есть по вертикали. Мариванна, начальница Раислексеевны, выдавливает на лбу, чтобы ушло к ногам, а Раислексеевна давит между больших пальцев ног, чтобы перекочевало на переносицу. Где в конце концов созреет, там и отсекут.

Давят коллективно, давят индивидуально, латентно и открыто, искусно и топорно.

Вариант с флэшкой и сотовыми телефонами – грубо и открыто. Видимо, не разобравшись как следует в Факине, его решили опустить самым примитивным способом.

Виноват, конечно, я. Я уже давненько не болтал с нашей несравненной Анной Моисеевной, фамилия которой – Звон, с нашей любимой и ответственной кадровичкой, на которую возложены заодно функции и конфликтолога. При той зарплате, за которую она ежемесячно расписывается в ведомости «Глобал», ей следует шевелить булками, а не просиживать часами в своем эйчаре и не посвящать девок в тонкости засолки огурцов, которые им решительно по хрену и о которых они слушают только затем, чтобы не выглядеть умнее.

В общем, ребята, я уже давно не драл ваши задницы...

Глава 2

– У вас нет, видимо, подозреваемых, Коломиец, коль скоро вы привели ко мне весь отдел? Коломиец рассчитывал на иную реакцию. По мнению начальника отдела продаж, если он пришел сюда со всем отделом, то у него как раз есть подозреваемые. И чтобы версия эта не выглядела авторской, то есть исключала возможность приема ответственности за нее на себя лично, он заручился поддержкой коллектива. Коломийцу сорок четыре года, он уже в зрелом возрасте захватил расцвет социализма, в середине восьмидесятых он был комсомольским вожаком, а потому умение выдавать коллективную вонь за единство духа развито в нем до совершенства.

– Инструкция гласит, что первым обо всех происшествиях в компании узнает президент. И только он принимает решение. И потом, Игорь Игоревич... на той карте памяти были мои разработки на следующий квартал. Адреса партнеров, объемы поставок... – Коломиец сморщился, как печеное яблоко (он в апреле загорелый, потому что бывает в солярии за мой счет), и по лицу его следовало догадываться, что некоторую часть вины за случившееся, но никак не больше того, что запланировано, он готов взять на себя. – Если карта попадет, скажем, в руки руководителей «Энимал-фуд» или «Дог-хот»... Словом, скверно...

Я поджал губы и покачал головой.

– У меня по утрам сбой, – посетовал я. – Еще раз, пожалуйста, Коломиец, о чем это вы?

– Я говорю о неприятностях, которые могут быть причинены нам флэшкой, которая окажется в руках конкурентов.

– Что вы имеете в виду?

Имею я право тоже хоть немного побыть идиотом?

– Ну, карта памяти, на ней данные... Руководители конкурирующих компаний могут сыграть на знании нашей стратегии...

– Вы так думаете или у вас уже есть подтверждения тому?

– Я выстраиваю логический ряд. Я предполагаю.

– Я правильно понял: вас больше тревожит не факт хищения принадлежащей вам вещи, а катастрофические последствия этого?

Коломиец затревожился. Небрежно законспирированная версия, которая могла стать для меня причиной срыва, обнажалась и принимала весьма непристойный вид. Я предложил ему дилемму, и он, не подумав, выбрал самое важное, на его взгляд, решение.

– Естественно, я беспокоюсь за последствия. Сама флэшка – грош ей цена. Но последствия могут быть разрушительными.

– Вы ясно понимаете то, что сейчас сказали?

По лицу Коломийца я догадываюсь, что не совсем.

– Ладно, решение я уже принял, – я взвалил локти на стол и, рассмотрев собственный мобильник, уложил его перед собой.

– Да что тут воду лить, – буркнул кто-то из толпы. – И так все ясно! Пять лет скрепки не пропадало, а тут нате... хрен в томате... Что тут непонятного...

– Все знают...

Эту фразу я поймал сразу, потому что ждал ее. Мгновенно выхватив взглядом одного из самых успешных менеджеров отдела Лукина, я ладонью приподнял его со стула.

– Что все знают, Виктор?

Он замялся. Если бы он был поумнее, то непременно отмазался бы от этого крестного хода. Благо, поводов у него было немерено – он постоянно на взводе, то есть в работе. Оттого и получает публично за мой счет то путевку в Анталию, то плазменный телевизор, предлагаемый Такеши Китано. Такой же телевизор у меня в холле компании. И вот только сейчас он начинает

понимать, зачем Коломиец их привел. Привел-то всех, а говорить по сути одному Лукину. Самое смешное, что и промолчать теперь нельзя, потому что он ходит по отделу гоголем на правах старшего и дерзкого. Но и говорить тоже страшно – а ну да выяснится, что все то, что все знают, – шняга, да и кто ему говорил, что все думают так же, как и он?

– Мы работаем в отделе уже пять лет, – начал Лукин по примеру Коломийца. – Все эти годы мы знаем друг друга как близких. За пять лет не пропало и ручки со стола...

– Это что, урок истории? – врезался в его мутный диалог я. – Лукин, вы тут заверили меня и остальных, что все что-то знают. Я хочу услышать, что именно знают все и не знаю один я.

– Нас в отделе было девятнадцать человек...

– Почему было?

– Потому что сейчас нас двадцать...

– Не останавливайся.

– Пока нас было девятнадцать, у нас никто ничего не крал... – Лукин заговорил тише, потому что ему и самому ясно, что он выдает информацию, достойную дебила. – Но как только нас стало двадцать, тут же случилась кража...

Я раздраженно покусал губу. Еще один мудака, который заставляет президента лично называть фамилии. Еще ночью я обдумывал, как буду давить Факина. Я представлял эту игру долгой и трудной. Не успел я проснуться, как мне тут же предлагают беспроектный вариант. Остается только войти в тему и закончить ее. Но нет, ребята, это не то... Это как если бы я просто не принял Факина на работу.

И потом, помимо желания посоперничать, у меня возникла куда более серьезная проблема. Многое мною упущено из виду, коль скоро моббинг уже соскочил с губы моей компании и теперь заразой покрыто все тело.

– Лукин, ты – мужик?

– В каком смысле? – удивился Витя.

– В прямом! – сказал я это довольно громко. Эхо прокатилось под сводом актового зала и осыпалось на головы сидящих сухими брызгами. – Девятнадцать, двадцать!.. Я что, не знаю, сколько людей у меня работает? Кого вы привели ко мне в качестве подозреваемого?!

– У нас только один, кто вызывает сомнения...

Я был о Лукине лучшего мнения.

Теперь вы сами виноваты. Ублюдки хотят, чтобы я удовлетворил их каприз лично, но при этом не опускаются передо мной до того, чтобы изложить проблему по-человечески честно.

Откинув крышку телефона, я набрал номер. Были набраны всего две цифры, и народ заметно заволновался. Внутренние телефоны трехзначные, а московские городские... Словом, нажать нужно гораздо больше кнопок, чем две.

– Милиция? Я президент компании «Глобал», что на Пятницкой. В моем офисе совершена кража, я хотел бы вызвать группу.

Закончив с формальностями, соблудности которые потребовала оператор 02, я захлопнул крышку и бросил телефон на стол.

– Вы этого хотели? Это случилось. И для этого не нужно было приходить сюда всем хором.

Кажется, такой вариант они не просчитывали. Да и не собирались – им было ясно, что тема прокатит.

– А теперь пойдем по списку, – я поднялся и, заложив руки в карманы, спустился в зал. – Первое...

Моя правая рука снова завладела трубкой.

– Алла Георгиевна?..

Алла Георгиевна Штольц – директор фитнес-центра на Большой Полянке. Один визит в этот элитный клуб стоит сто долларов, но за то, что я круглый год кормлю семью из пяти ее бассет-хаундов, она трижды в неделю принимает десять моих сотрудников, четверо из которых как раз сидят в зале. Их там, в фитнес-центре, парят, массируют, поят, подкармливают, качают, релаксируют, и все это комплексное удовольствие стоит мне восемь тысяч долларов в месяц. Должен сказать, что кормежка пяти штольцовских бассетов обходится мне куда дешевле, чем грязевые ванны моих сотрудников мадам Штольц.

– Алла Георгиевна, я приостанавливаю визиты своих сотрудников в ваш клуб. На сегодняшний день я единственный ваш клиент. Так что теперь, если кто явится и скажет, что он пришел от меня, убейте его. Что?.. Нет-нет, собачки питаются по прежней программе... В качестве бонуса я добавляю к их рациону еще и новую разработку сухого десерта.

Удовлетворенно покачав головой и прокашлявшись, я снова набрал номер.

Мне приятно чувствовать спиной и остальными частями тела, как закипает коллективный гнев и как он в нерешительности клубится под сводом зала. Этот клубок злобы не знает, на кого именно броситься: на Факина ли, на Коломийца или Лукина, который трепал, трепал президентовы яйца и наконец растрепал.

– Анна Моисеевна... Это Звон, – прикрыв трубку рукой, интимно сообщил я коллективу. – Анна Моисеевна, я отменял первый пункт приказа № 325?.. Что вы посмотрите? А без посмотреть у вас не получается? Я, к примеру, точно помню, что не отменял, а вы, которая писала этот приказ, не помните? Не отменял? Тогда почему вы не несете мне списки опоздавших на работу и не предоставляете их в бухгалтерию? Я своими глазами видел, как сегодня Гудасов и Пономарева заходили в офис в десять минут десятого. Где сводка? Так, разобрались... Пункт второй указанного приказа?.. Не отменял? Тогда почему в офисе снова появились компьютерные игры? Через два часа доложите обо всем и сразу. На всякий случай: за неисполнение распоряжения президента компании я лишая вас премии по итогам апреля. Приготовьте приказ.

Как-то так получилось, что по лицу моему пробежала судорога. Я не боюсь офисных интриг только потому, что от них никуда не деться. И воспринимать их нужно с той же долей смирения, с какой воспринимают воскресный дождь, футбольное судейство и смерть. Если бы я был цветущей женщиной, я бы еще добавил: «И месячные». Но я боюсь моббинга. Он пожирает компанию, он уничтожает все благое, что накоплено, он заставляет опыт деградировать, а меня подчиняться пожеланиям так называемого коллектива. Коллектива нет. Есть люди, превращающие себя в коллектив. Но я-то точно знаю, что коллективной вины, как и правды, не бывает. Краснеть способен только один человек, а не группа людей, и Звездой Героя можно наградить только одного человека, а никак не город.

Пятнадцати из девятнадцати сидящих в зале решительно наплевать, будет Факин работать в их отделе или нет. Но они уже поражены болезнью, они уже страдают от нее, не догадываясь, что больны. Две-три жалкие суки сбили с пути праведного пятнадцать не самых глупых людей Москвы. Вот это и есть – моббинг. И теперь, вместо того чтобы гнить из себя давить да благодатью пропитываться, это стадо явилось ко мне, гудя, трубя и воя. Однако стоит поднять любого и заставить озвучить проблему с точным указанием имен, как этот любой тут же выпускает из пор пот и превращается в мразь.

Внутренняя конкуренция сотрудников – нормальное явление для моей компании. Пока нас еще не пронизала идея формирования компаний по западному образцу, в нас живет и будет еще долго жить дух социалистического соревнования. И разницы между нынешним соревнованием и прошлым нет никакой. Что тогда была прогрессивка, что теперь есть, да только в другой форме, что раньше премировали, так и теперь тоже ударников не забывают – DVD, плазменные экраны... Что раньше вручали переходящие знамена и вымпелки, так и теперь... Я думаю, что если те, кто работает в офисе, справятся у своей памяти, то подавляющее боль-

шинство из них вспомнит, что у них или стоят вымпелочки на столах, или дипломчики местного пошиба на стеночке в рамках поблескивают... Хорошо, что вовремя вспомнил.

– Анна Моисеевна! – По голосу ее я понимаю, что она только что всплакнула. На ее месте я бы не всхлипывал, поскольку ее клонам в упомянутых Коломыйцем «Энимал-фуд» и «Догхот» платят в полтора раза меньше. – Доску почета с первого этажа – на свалку! Фотки раздать изображенным, а доску – на парашу!

Когда я только начинал, мой друг, уже пожилой Женя Мартемьянц, он сейчас в Колорадо птицефабрику держит, представляясь всем в России при знакомстве: «Я работаю в аграрном секторе США», говорил мне волшебные слова:

– Игорек, беспрестанно секи за сварами. Склоки между сотрудниками – нормальное явление, если вектор его внутренней конкуренции ориентирован на положительный результат для компании. Если бы ты был хозяином шахты, я бы тебе сказал: «Если шахтеры сплетничают и втихаря сливают друг у друга масло из отбойных молотков, но количество добываемого угля от этого только растет, то сделай так, чтобы и те и другие хорошо питались. Эту войну нужно подогревать до бесконечности. Но если эти пидоры ломают молотки, чтобы они, а не другие получили к Рождеству позолоченные каски и волшебные фонарики, дави крыс». Как только в твоём офисе началось самоопыление по принципу «я – передовик, а вон тот – балласт», а у тебя как бы глубокие сомнения по этому поводу, это сигнал, что ты начинаешь погружаться в задницу капиталистического самоуничтожения. Таким типам все по хер. Компашка не его, его задача отхерить у тебя к Новому году материальные бонусы и максимум кайфовых привилегий на следующие двенадцать месяцев. А потому секи, Игорек, за сварами. От нормальной конкуренции до моббинга – одна сплетня. Не засечешь – тебя опустят активисты коллективного движения. Я вообще не люблю этих активистов... есть в них что-то от гомиков, ей-богу... Эти фраера занимаются не делопроизводством, а имитацией кипучей деятельности, а это означает, что компания занимается не развитием бизнеса, а выяснением внутренних отношений...

Перекинув телефон из правой руки в левую, я развернулся к потерпевшим от кражи.

– Я бы, конечно, предложил вам, Коломиец, и вам, Гудасов, самим обратиться в милицию. Надо полагать, что флэшка за пятьсот рублей и мобильник за несколько тысяч – вещи не из дешевых... Но Александр сообщил мне, что в его карте памяти заложена стратегия продаж... Это печально. Это гадко. Кто бы ни был вор, воткнув флэшку в комп, он тут же поймет, что можно выжать из материала. Дабы было понятно, о чем я говорю, выражу свою мысль проще: потратив тысячу баксов на покупку файлов карты Коломыйца, «Энимал-фуд» просчитает свою политику на полгода вперед, и нам вряд ли стоит ждать суперприбыли... То есть премиальных, путевок на курорты и контрамарок на презентации блокбастеров... Такие дела.

Торжественно помолчав, я снова обратился к публике:

– Кажется, в нашей компании появился кто-то, кто придумал, как вынести из «Глобал» носитель информации, в который всажен чип.

Я рассмеялся, мне это показалось доброй шуткой. Всем известно, что вынести носитель информации из «Глобал» невозможно. Но об этом позже...

– Как же вор, по мнению Коломыйца и Гудасова, собирался вынести украденное? Над этим стоит поломать голову. Вероятно, в системе безопасности моей компании появилась брешь. Значит, никто не будет обижаться на то, что я усилю бдительность? – И я окинул насмешливым взглядом притихший зал. Я из тех людей, которые всегда найдут объяснения своим поступкам. – Так и знал, что таких не найдется...

– Игорь Игоревич... – кажется, Коломиец понял, куда я клоню. Он сейчас готов язык себе вырвать. Я за суетой упустил контроль за компанией, да и начальник отдела продаж тоже, видимо, распустился за последнее время. Ему, прежде чем шокировать меня глобальностью последствий хищения, следовало вспомнить и принять во внимание, что я человек решительный и в компании у меня погоняло Морозко. Нет, не потому Морозко, что я девочкам под

елочку подарочки складываю и отогреваю в холода. Я Морозко, потому что могу к ебени фене заморозить любого до той степени, когда процесс становится необратим, и охлажденного потом не отогреешь никакими абонеентами в сауну. – Так, черновики...

– Я не о содержимом толкую, Коломиец. Я о том, что черновики ли то были, рисунки ваши, эротические фото или чертежи кораблей, – я о том, что карту нельзя вынести из «Глобал», что бы в ее памяти ни находилось!.. А вообще я так вижу: начальник отдела продаж закачал на карту материал для служебного пользования, материал, который рассматривается как коммерческая тайна, а потом бросил носитель информации на стол. На то его место, откуда не украсть просто невозможно. То есть начальник отдела продаж сдал конкурентам нашу стратегию до самого конца года, – выдавив из себя этот бред, я покусал губу и прошелся вдоль помертвевших рядов. – Вы пока отдохните, Александр, отдохните от должности... Пару месяцев поработайте с документами. Я полагаю, что вы должны через месяц представить мне новый проект политики сбыта готовой продукции в регионах. А через месяц будет видно... Лукин, через час доложите мне о том, что приняли текущие дела.

Отдел продаж оглушительно молчал, потому что персоналу достоверно известно, что из моей компании вынести служебную информацию нельзя. Но об этом позже...

Чаще всего в корпоративных войнах участвуют сотрудники отдела продаж. Я не против таких войн, лишь бы не было крови, а была бы прибыль. Для того чтобы война не прекращалась, я публично объявляю лидеров и публично же их премирую. Но в какой-то момент планового ведения своего хозяйства я расслабился и компания качнулась. «Коломиец, Гудасов, Лукин & К°» начали заниматься только тем, что отслеживали результаты друг друга, искали косяки у коллег и занимались анализом чужих ошибок, что их должностными инструкциями не предусмотрено. Этот процесс я поймал в самом начале, спасибо Факину! Если еще не слишком потекли через пробоину кадры и не выветрился командный дух, так это только потому, что пришел Факин и оказался лишним!

Барашки совсем забыли, что главный интриган в стаде – пастух. У него есть мозг и кнут. Да я просто не поверю, что Коломиец не счастлив оттого, что после сегодняшнего сбора получит в начальники, хотя бы и временно, главного своего конкурента – Лукина! А Гудасов, который не в блестящих отношениях с Лукиным, тот может просто взорваться от восторга. Если Коломиец начальник и с ним бодаться как бы не с руки, то с Лукиным Гудасов равнозначен по статусу, и во имя отколачивания бонусов по итогам отчетного периода оба они идут на такие паскудные приемчики, что глаза бы не смотрели. Еще вчера это шло мне на пользу, сейчас же они представляют для меня угрозу.

Чтобы ее отвести, сшибаем воинственно-хозяйствующие субъекты на встречном ходу. А за результат этого столкновения спросим. Теперь, мать-перемать, вам немного не до сплетен будет...

В криминалистике есть такое понятие – «разобшение организованных преступных сообществ». Разобшение! Не уничтожение! Куда проще и с большей пользой разобщить членов ОПС, организовать меж ними драчку, а потом принять израненных, беззащитных, издыхающих победителей. Ходи по полю, собирай чуть живые тела и что хочешь с ними потом, то и делай. И вот сейчас я начинаю разобшение. Коломиец спускается вниз, на что не рассчитывал. Лукин же в снах, вперемешку с эротическими пертурбациями, понимал себя начальником отдела, и я, как добрая фея, претворил его видения в жизнь. Сейчас он начнет рвать и метать, и за все бонусы «Роснефти», «ЮКОСа» и «Норникеля», вместе взятые, я бы не поменялся сейчас местами с Коломийцем. А Гудасову, тому вообще впору писать некролог. Что сейчас начнется...

Первый шаг к нормализации ситуации мною уже сделан. Доска почета – на свалке. Это только кажется, что улыбающиеся или, наоборот, озабоченные рожи в ряд на ярком щите приелись и вообще это эхо бюрократических веяний 80-х. На самом деле Доска почета играет

важную роль в двигателе внутренних резервов стафа. Но когда слишком уж велика разница в опыте между сотрудниками, рейтинги и пышные празднества в честь победителей капсо-резования стимулируют не труд, а моббинг. Это доведение до крайности тех, кто сыграл от души, но в чем-то пролетел. Монструозные чествования отпрыгиваются после их окончания в первую очередь в сторону руководителя. Начинается период мести за нереализованное, то есть неоплаченное, мастерство.

– Кочетков, пригласите ко мне начальника охраны, – велел я набирающему обороты менеджеру Сереже и, когда тот вошел, благо, за тридевять земель ходить не пришлось – офис моего начальника СБ по соседству с актовым залом, заговорил с ним по-простому, словно речь шла о шашлыках: – В связи с обострением криминогенной обстановки в офисе прошу вас уже сегодня расписать мне концепцию выхода и входа сотрудников компании в помещения. Вышел – отметил. Вошел – отметил. Я готов потратить на это некоторое количество денег. Пусть компания по производству хавчика для попугаев и морских свинок уже с завтрашнего дня выглядит как Пентагон. Захотела моя секретарь кофе выпить с начальником юротдела – встала, подошла к двери, чиркнула картой, дверь открылась, а в устройстве считался личный код и время. Дошла до юротдела, чиркнула. Попила кофе, чиркнула – вышла. Чиркнула – вошла в приемную. Я начинаю борьбу с хищениями.

– Господи, – донесся с заднего ряда перепуганный женский голос, – а если мне в туалет надо?!

– Значит, я буду знать, сколько раз вы писаете и сколько времени, – я передернулся. – Чуть не забыл! Начальнику охраны закупить еще десятка два видеокамер. Я хочу, чтобы на ваш монитор не выводилось только изображение унитазов.

– Игорь Игоревич!.. – закричала женская часть представителей обвинения.

– Да, да, я хочу знать, какие нынче прокладки в моде. Не исключено, что после подобных сбросов информации компании грозит банкротство и скоро мне придется приступить к выпуску средств гигиены.

– Но это!.. – И прозвучало никак не меньше десятка чисто женских доводов.

– А кто не хочет, тот может идти работать в другую компанию! В ту, где не воруют и новых сотрудников не гробят, если вы понимаете, о чем я говорю! – Я ткнул пальцем куда-то в галерку через мгновение после того, как довольный начальник охраны вышел из зала. – Сегодня к вечеру полный план мероприятий по пентагонированию компании «Глобал» должен лежать на моем столе!.. И вот еще что, начальник охраны... С сегодняшнего дня и до тех пор, пока я не дам отбой, вы начинаете учения. Тема: «Профилактика коммерческого шпионажа»! Вы слышите меня?

Это начальник охраны, конечно, услышал.

– Совещание закончено, коллеги.

Меня, естественно, выпустили первым. Проходя мимо Коломыйца, смотреть на которого было страшно, я хлопнул его по плечу – в моей компании простые отношения:

– Ко мне – зайди.

Он думал, что я перебрал в своем выступлении лишку, и потому вошел посвежевшим. Думал, верно, что я верну все на круги своя... Пришлось испортить настроение этому парню окончательно. Выдвинув ящик, я вынул лист – неблагоприятно написанная им докладная записка о пропаже вещей из вверенного ему отдела тряслась перед ним в воздухе и свежо хрустела.

– Только не говори теперь ментам, что я вас с Гудасовым неправильно понял, – тряхнув листом, я запер его в сейф и, подкинув в руке ключи, спрятал в карман. – И убери с шеи ремешок от флэшки, если хочешь выглядеть перед следователем убедительно. А Гудасову вели отключить телефон, а то следователи, знаешь, бывают разные... Выяснит в эйчаре номер его

сотика, пригласит для беседы да наберет под столом номерок... Вот смеху-то будет, когда в кармане обворованного менеджера завершит трубка, а?

Глава 3

Женя не выдержала и вмешалась в тот момент, когда Лисин прикуривал.

– Я слушаю вас уже час. Если мы будем двигаться в том же ключе, тогда никто не узнает, в каких убийствах вас обвиняют.

– Вы торопитесь, – пыхнув дымком, сказал он. – Точно так же торопился и тот, кто сочинял обвинительное заключение. Несмотря на то, что лицо его было натянуто до предела и он постоянно мучился, отчего в меня закрались подозрения, что он страдает запорами, он торопил и торопил меня, пытаясь дойти до первого пятна крови на чистом листе моей истории.

– Следует ли понимать вас так, что вы так и не признались в совершенных убийствах?

– Вы снова торопитесь. Зачем мне кого-то в чем-то уверять? Я хочу, чтобы вы были моим соавтором, а не обвинителем. Вы жаждете крови, что ж, вам совсем недолго осталось ждать. Если бы вы сами не работали в компании – а газета есть самая что ни на есть корпорация, я бы начал еще более издаека. Чтобы понять и оценить суть произошедших событий, нужно хорошо знать предысторию и корпоративный мир. Я отказался разговаривать с Рысиным... – Лисин затаился. – Он хотел услышать признания и ждал от меня ловкачества, а услышал тишину. Если вы тоже...

– Нет-нет! – взметнулась Женя, поняв наконец, что, и верно, спешит. – Я вас слушаю. Просто временами мне кажется, что после нескольких месяцев заточения вам захотелось поговорить с женщиной и...

– Разве я просил в письме прислать непременно женщину?

– Продолжайте, прошу вас. Начните с того, чего достигли Коломиец и тот его друг, Гудасов, кажется.

Лисин подумал и снова заговорил...

...Все, чего добились Коломиец и сотоварищи, это повесили на ни в чем не повинный местный райотдел два «глухаря». Если это то, чего они добивались, я их поздравляю.

– Не хотите написать явку с повинной? – усаживаясь за обедом за стол к Коломийцу, поинтересовался я. – Очистите совесть, Александр, не носите этот груз. Годы не те, чтобы таскать его за спиной. По этой говняной триста шестой статье УК все, что вам грозит, – это штраф от ста до двухсот минималок. Ну, на худой конец, двести сорок часов принудительно поработаете эвакуатором на Пятницкой. Хотите кефиру?

Коломиец с треском пожирал куриную ногу, не разбирая, где мякоть, где кость. Он меня презирал и, если бы мог дискутировать без того, чтобы не вызывать смеха, непременно предупредил бы меня о том, что я с этим Факиным горя еще хлебну.

– Я в РУВД сегодня звонил, – продолжал я голосом инквизитора. – Представляете, никто не взял трубку. Лишь через полчаса кто-то подошел к телефону и хрипло выдал: «Никого нет. Все ищут карту памяти Коломийца и телефон Гудасова. Запомните, гражданин, – сказал он мне, умирая, кажется, – и передайте потерпевшим: мы делаем все, что в наших силах».

Временно отстраненный месяц назад начальник отдела продаж молчал и терзал птичью грудку фарфоровыми зубами. За этот месяц он осунулся и стал выглядеть еще старше. Такое впечатление, что его вывели из состава ЦК и отправили поднимать комсомольское движение в Молдавии. Я могу представить, как ему нехорошо. Лукин из демократично прессируемого наперсника вдруг превратился в начальствующего пидора и теперь требует отчетов по продажам каждый день. Я и Лукина понимаю. Он не раз приходил ко мне и с красными озлобленными глазами сдавленно кричал:

– Игорь Игоревич!.. Мне работать или отчеты составлять?! На чужа ему эти отчеты раз в три дня, если мы результаты по итогам месяца выводим?! Что можно понять по трехдневным данным?!

Я в работу отделов не вмешиваюсь, если результаты имеют положительный баланс. И сейчас не буду. За последнюю неделю продано продукции на два процента больше, чем за предыдущую.

Но больше всего портил настроение Саше Коломийцу, как мне кажется, менеджер Гудасов. Последний так привычно и непринужденно приступил к обговариванию с бывшим начальником отдела вопросов дискредитации и. о. начальника отдела, что Коломиец, искушенный в дворцовых интригах, не мог не догадаться, чем занимался Гудасов с Лукиным в то время, когда Лукин еще не был и. о., а Коломиец не был бывшим. Информацию об устремлениях лжепотерпевшего по факту телефонной кражи мне доносила, как и раньше, моя секретарь Риммочка Гольцова. Своими пентагоновскими акциями я несколько затруднил ей доступ в иные помещения, однако, несколько раз попробовав и не получив от меня нагоняя, она стала, как и прежде, бродить по кабинетам. В то время когда весь персонал терпел и сучил ногами, чтобы дотерпеть до обеденного перерыва, Риммочка была предоставлена самой себе. Из сотни коридорных «чирков» картами по устройствам в течение часа половину можно было смело записывать на счет моего секретаря. Но зато я знал все свежие новости, а другие нет.

И главной была та, что Рома Факин, вопреки всем моим прогнозам, вдруг прижился в отделе продаж. Полученную от меня фору он использовал с пользой и, когда до запланированной мною административной атаки оставалась неделя, стал проявлять признаки активности. Схватывая все на лету, он каждый день входил в офис с мягкой улыбкой, а когда та примелькалась, снова превратился в монолит. Но на монолит уже никто не обращал внимания, потому что все помнили улыбку. Каверза Коломийца и Гудасова всем казалась теперь неуместной – в компанию, в отдел продаж, пришел умный мальчик, готовый всем помочь даже в ущерб собственному благополучию.

«Рома, сможешь закончить отчет?» – «Конечно, Тая».

«Ром, у меня комп висит!..» – И Рома бросает работу, которую ему только что поручили и обязали сделать к обеду, и с отверткой в руке отвинчивает крышку у машины.

Рома не просит ничего взамен. Он ведет себя так, словно прибыл для решения текущих личных проблем сотрудников своего отдела. Через две недели он помогает уже не только Мире и Тае, но и Гудасову, который хотел объявить его «крысой». И Гудасов из протестующего ветерана превращается в неплохого друга. А Тая, которая еще десять дней назад не таила к нему презрения, светлеет на глазах и частенько тусуется у Факиного стола просто так, без причин. Они вместе курят, вместе ходят на обед, и, когда заканчивалась третья неделя испытательного срока Факина, кто-то увидел их, отъезжающих в одном троллейбусе, следующем не в сторону севера, к дому Таи, а в сторону запада, в сторону Факиного дома... Всем известно, что Тая живет с мамой и папой на Большой Оленьей, а Факин живет один, на Мосфильмовской. И всем понятно, что если бы они следовали вместе составлять квартальный отчет, то мама и папа им вряд ли были помехой в этом деле.

Еще через неделю я стал то и дело слышать: «Факин считает, что...», «Факин думает, что...»

Я знаю, как Рома этого добился. Если ты вливаешься в рабочий коллектив, то те черты твоего характера, которые делали тебя популярным среди одноклассников в средней школе или институте, приобретают главное значение для твоего профессионального успеха. Достаточно компетентный и приятный в общении коллега привлечет куда больше внимания и участия к себе, чем яркий, но не умеющий себя подать специалист экстра-класса. Рома просто вспомнил, какими приемами он добивался популярности среди одноклассников, какие его черты очаровывали их, и сейчас успешно пользуется накопленным опытом. Невероятно, но он сознательно

это делает. Он боится ушибить коллег багажом своих профессиональных знаний и занимается только тем, что изредка использует его для причинения *кому-то* удобств. В первую очередь – себе.

Объяснить это можно просто. Это я, Лисин, не сказав ни слова, все объяснил. Еще три недели назад я мог объявить Факина гадом и выбросить из компании. Но вместо этого я высказал мысль о том, что он невиновен. Как ни крути, а авторитет-то у меня непререкаемый... Лисин говорит на красное – синее, значит, синее и есть, а то, что кажется красным, так то зрение у персонала слабовато. Таким образом, я как бы выразил желание принять Факина правильным человеком. А как только кто-то слышит со стороны, что он правилен, так в нем обязательно начинается процесс, завершающийся появлением точки зрения. «С моей точки зрения...» – может говорить теперь укрепившийся с помощью президента Факин, и вот уже до меня доносится через приоткрытую дверь: «Факин считает, что...», «Факин думает, что...»

Словом, я упустил тот момент, когда фамилия «Факин» в мае 2007 года стала звучать в офисе чаще, чем слово «погром» в Одессе в середине 20-х.

Но об этом позже. Чуть-чуть позже. Сейчас же следует вспомнить эпизод, который случился за пятнадцать минут до того, как я вошел в свою приемную и увидел в ней Лукина.

Оказавшись в состоянии сытой лени, я прошел к офису начальника охраны и минут пять с удовольствием наблюдал за тем, как персонал компании «Глобал», вместо того чтобы предаваться сплетням и раскладыванием «Солитера», испытывает нечеловеческие трудности с электронными ключами. Теперь немалых забот стоило донести тяжелую папку от пункта А к пункту Б. Преимущественно по той причине, что дверь в пункт Б (как потом и в пункт А) открывается электронным ключом, а в памяти многих этому ключу не находилось места. И персонал разворачивался в обратную сторону и двигался уже быстрее.

Вжик! Вжик!.. Вжик-вжик!.. Вжик. Туда-сюда, туда-сюда, с картой, без карты, за картой, туда-сюда, туда-сюда...

Приятно посмотреть. Теперь я представляю, почему сотрудники Пентагона и ЦРУ никогда не поспевают за терактами.

Так вот, налюбовавшись вдоволь и поблагодарив начальника охраны за верную и безупречную службу, я развернулся и пошел по коридору первого этажа, чтобы подняться на свой этаж не на лифте, а по лестнице. Раньше я два или три раза в неделю поднимался пешком специально. Скажу по секрету, что никогда президент компании не услышит о себе столько нового, сколько услышит, беззвучно ступая по ступеням лестницы. Глупые, несчастные сотрудники, пренебрегая распоряжением о курении только в специально отведенных для этого комнатах на этажах, выходят на лестничные площадки. Они выходят туда именно потому, что им запретили туда выходить с дымящимися сигаретами в руках. Так уж устроен член корпоративного сообщества – он будет все делать наоборот от разрешенного. И я использую это для выявления революционно настроенных индивидуумов. Запретите сотрудникам ходить на лестницу для курения – и они обязательно будут там собираться, чтобы сказать все, что накопилось. Запрещенное для сбора место мгновенно обозначается в мозгах сотрудников как место конспиративное, поэтому они собираются там не для, того чтобы говорить о хорошем, а для того, чтобы говорить о плохом. (Гонорар за этот совет прошу перечислять в фонд борьбы с моббингом.)

Они все почему-то думают, что Лисин никогда не ходит пешком. Они продолжают так думать даже после того, как два раза в неделю я прочесываю эту криминогенную зону и пар тройку молодых людей штрафую по полной. Но они все равно выходят на лестницу, чтобы быть пойманными, хотя до курилки куда ближе. В эти минуты я чувствую себя львом, ловащим, ловащим и ловащим коров одного и того же стада в одном и том же месте водопоя. Это происходит два раза в неделю, то есть девяносто шесть раз в год, размеры штрафов по сравнению с МРОТ потрясают воображение. Но это происходило ранее, происходит теперь и будет проис-

ходить в дальнейшем, и я вижу в этом укоренившееся в московских корпорациях не играющее ключевой роли микропротивостояние якобы либерально настроенных масс якобы деспотичному правящему режиму. Россия не умеет жить без классовых противоречий, и потому они всегда выдавливаются наружу, хотя бы и в таком кастрированном виде.

Так вот, сегодня мои размышления о революционной ситуации в «Глобал» носят более пространственный характер, поскольку лестницей я воспользовался не потому, что неделя кончается, а еще никто не пострадал, а потому, что я забыл в кабинете электронный ключ (черт бы его побрал!). Надо было приказать начальнику охраны, чтобы тот для всех дверей заказал еще одно устройство. Оно должно реагировать на глаз президента. Посмотрел в дупло, а тебе оттуда: «Проходите, Игорь Игоревич, добро пожаловать. Это ничего, что вы тупой и ключ забываете, как нимфоманки из производственного отдела».

Поднявшись до второго этажа, я услышал приглушенный разговор на третьем. В этой ситуации я, как правило, делаю последний рывок, чтобы прыгнуть на спину зазевавшейся корове. Но сегодня я, наоборот, замедлил шаг. Всему виной было дважды произнесенное сказочное имя Морозко.

– Он не понимает, что творит. – Этот голос я узнал сразу, это был голос прибитого обстоятельствами Коломийца. Он был прибит настолько, что повторил: – Он не понимает, что делает... Он хлебнет с ним лиха.

Прислонившись к лестнице, я посмотрел вниз – не шлифуют ли поручни ладони бесшумно поднимающихся подчиненных. Не хотелось бы быть здесь застуканным. Одно дело лотошить куряк, что объяснить всегда можно попутным действием, и совсем другое – специально подслушивать на лестнице их разговоры. Для этого у уважающего себя президента крупной компании всегда должны быть под рукой несколько сексотов.

Когда Коломиец произнес:

– Он не ведает, что творит, клянусь, – я стал приноживаться.

Мне известно, как пахнет дым канабиса. Именно им сейчас, при таком развороте диалога, и должно было пахнуть. Но никаких посторонних примесей в табачном дыме на лестничной клетке не присутствовало.

– А тогда зачем это ему нужно? – И по чуть шепелявому говорку я признал в невидимом мне собеседнике Коломийца уже раз шестнадцать оштрафованного Гену Гросса. Ему почему-то не курится на складе, хотя там курить тоже, между прочим, запрещено, его почему-то постоянно тянет в офис.

Я их ни разу не видел вместе, но мне понятно, что может связывать одного со вторым. Гросс постоянно на складе, ибо его заведующий, а Коломиец начальник отдела продаж. Одно неотделимо от второго, но Коломиец, насколько мне известно, никогда не опускался до того, чтобы заходить в места, где стоят поддоны с товаром. То есть он не мог иметь постоянной связи с Гроссом.

– Этот ублюдок погубит компанию.

– Кто, Лисин?

– Да почему Лисин? – вспыхивает Коломиец и тут же включает заднюю передачу: – Хотя получается, что именно Лисин и погубит...

– Откуда вообще взялся этот Факин?

– Не знаю. Не исключено, что это его протеже...

– Я об этом не подумал.

– Говорю тебе наперед – через месяц Факин задавит Лукина, и продажи рухнут. Ты бы видел, что он предлагает в качестве новой концепции сбыта продукции... Если Лисин не запланировал специальный ход, чтобы порубать меня и вывести за штат, и если Факин не его человек, который приглашен в качестве конфликтолога для «зачистки» штата, то он вскоре поймет, что дал маху. И тогда быстро вернет меня на место, но будет поздно.

– Это почему? – Я слышу, как Гросс пыхает дымком.

– Да потому, что Факин невероятно способный паренек!.. – Коломиец впервые повысил голос. – Он уже сейчас владеет объемом информации, которую обычный стажер всасывает за полгода!.. «А вот это откуда, Александр Львович?», «А это правда, что та-та-та, Александр Львович?»... И я тебе как своему скажу, Гена, – я впервые в жизни увидел, как пальчики выпускника техникума бегают по клавише компа с такой скоростью, что их даже не видно. Крутятся, как пропеллеры!..

– А Лукин...

– Лукин – дерьмо на палке! Он – лох! Факин играет с ним, как кошка с мышью! Так что Лука только и успевает работу Факина на весь отдел переписывать, сами же в это время запираются в моем кабинете, суки... и что-то пишут, пишут, перетирают... Я же вижу все через стекло! И как же быстро сошлись два этих мерзавца?.. Но Лука... Я не знал, что он настолько туп. Поверь мне, Гена, еще через месяц случится «японское чудо». Новичок-технарь задавит весь отдел и поставит его раком.

– Кого, Лукина?

– Всех!..

– Я вот сейчас слушаю тебя и думаю – если бы вы с Гудасовым не попытались тогда...

– Все было сделано правильно. Запомни, Гена: грамотный президент, если новый работник еще не успел себя проявить гением, всегда его уволит, если того требует коллектив. Я не знаю, что нашло на Лисина... Это какой-то амок...

Я бы сам закурил, но моя зажигалка с пьезоэлементом. Щелчок будет слышен даже на крыше. А подходить к Коломийцу со словами «Огонька не найдется?», после чего снова спускаться вниз, как-то неловко. Прислонив голову к пыльным перилам лестницы, я в четвертый раз за текущий месяц начал бросать курить.

Глава 4

как продолжение третьей

Коломиец насквозь пропитан ядом, но не как скорпион в брачный период, когда от него не знаешь, что ждать – соития или жала в спину, а как рыба-собака в озере Танганьика. Он так же раздулся в пузырь и своим ярко-желтым цветом предупреждает всех окружающих – внимание, опасность! Я не в обиде за то, что он называет меня Морозко, потому что в нем нет злобы. Он сокрушен ситуацией, которую сам же и создал. И теперь он в обиде на себя и весь остальной свет, а это делает его не опасным, а беззащитным.

Я понимаю трагизм его положения. Ни один менеджер в Москве в компании, подобной «Глобал», не получает три тысячи долларов. И ни один начальник отдела продаж не получает шесть. Свалив его с пьедестала, я урезал его заработок вполовину, и от одного этого можно впасть в отчаяние, я понимаю его... Я верну тебе должность, Саша, я верну тебе твои шесть штук, ты просто еще не знаешь об этом, но прежде чем это случится, ты должен понять одну простую вещь – никогда не иди против меня. Твои акции – это BTL и ATL регионального масштаба, но никак не командование неустойчивыми корпоративными массами на месте. Отдохни, остепенись, получи небольшую дозу унижения, снова расставь приоритеты, и через три недели ты вернешься на свое место. У меня и в голове нет придумок заменить тебя кем-то другим, ты один такой, и именно поэтому в Москве никто из начальников отдела продаж не получает шесть тысяч...

– Может, тебе стоит переговорить с Лисиним? – слышу я из уст Гросса.

– Через неделю после публичного унижения? – усмехается Коломиец. – Лисин заряжен на подавление... Он не пойдет на контакт...

– А ты придумай какой-нибудь необычный ход, – советует недалекий, но услужливый Гросс.

Мысленно похвалив Коломийца за правильные выводы, я стал прислушиваться еще тщательнее. Не исключено, что сейчас речь пойдет о самом сокровенном, то есть о том, чего я не знаю.

– Понимаешь, Гена... – Коломиец замолчал, и я представил, как он привычно для себя трясет руками. – Простой пример. В кино существует тридцать шесть сюжетов. Тридцать седьмой придумать невозможно. Все, что ты видел за всю свою жизнь на экране, очерчивается тридцатью шестью сюжетами. Все, точка. Точно так же и в офисе. За все время существования бизнеса люди вычислили только пять стилей поведения в конфликтной ситуации.

Я слышу щелчки зажигалок, что свидетельствует о том, что моя жизнь без сигарет удлинится минимум на пять минут.

– Я могу закуситься с Лисиним, начать конкуренцию, но какой в этом смысл? Я себя погублю.

«Обязательно», – подтвердил я.

– Во-первых, мне есть что терять, во-вторых, я не обладаю таким авторитетом и властью, как Игорь. Я могу пойти на компромисс, но это бессмысленно, поскольку Лисин не для того публично меня унижал, чтобы через недельку пойти на мировую. Это не тот человек, Гена...

«И это верно».

– Еще я могу предложить ему сотрудничество, поскольку нас объединяют давние взаимовыгодные отношения, но это нелепо, поскольку у нас разный удельный вес, и Лисин без труда добьется моего сотрудничества и без моих инициатив. А потому мне остается только приспособление и уклонение от конфликта. Силы не равны, и однозначна вероятность того,

что он меня просто выставит вон, как Маликова, помнишь?.. Два выговора и – гуд бай, Америка... А потому мне остается уклонение и смирение... чтобы собрать побольше информации.

– По Лисину?

– Гена, мне нравится с тобой общаться. Чаще всего, я думаю, что случаях в восьми из десяти, ты соответствуешь своему реноме вдумчивого, доброго человека. Но вот эти два раза... Это катастрофа, Гена, держи, держи себя в руках и не дай себе разбежаться в разные стороны! Я ему о тридцати шести сюжетах в кино, а он мне – «По Лисину?»!.. По Факину, Гена, по Факину!.. Я хочу знать, откуда эта сволочь появилась и с какой целью. И когда мне будут известны ответы на эти вопросы, я пойду к Лисину и напомню ему о флэшке и телефоне как быстром решении проблемы, решить которую таким образом теперь невозможно!

– Быть может, Лисину просто нужно время, чтобы перебеситься? Пройдет месяц, и он, убедившись в том, что удовлетворен, вернет все на прежние места?

– Ты меня имеешь в виду? – с горькой насмешкой воскликнул Коломиец. – Тогда нужно еще добавить: «и Факина уволит, и книги контроля ликвидирует, и аппараты контроля за помещениями уберет». Но в ключи с чипами он вложил много денег, а продажи возросли на четыре процента! Люди стали заниматься делом, и в них поселилась боязнь, понимаешь? То есть реально кажется, что все ходы правильные! Но есть одна проблема...

– Одна проблема? – Гросс рассмеялся. – Мне кажется, она не одна...

– Ты напрасно веселишься. Она и тебя коснется. Догорая, свеча вспыхивает и освещает помещение. Но потом гаснет навсегда. Эти четыре процента – как раз и есть последняя вспышка. Очень скоро начнутся перемены, по сравнению с которыми моя и Гудасова попытка убрать Факина покажутся детской невинностью.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что Факин не тот, кто есть на самом деле. И я найду доказательства этому. Прямо сейчас.

– Ты, наверное, знаешь, где их искать... Слушай, Саня, мне кажется, тебе стоит взять отпуск и отдохнуть. Пока тебя не будет, Лукин доведет отдел до ручки, и они с Факиным за все ответят. А тебя нет, ты отдыхаешь, лечишь разорванные Лисиним нервы... Когда продажи рухнут, Морозко поймет сам, кто ему нужен.

– Я вчера видел, как наш...

– Почему ты замолчал?

После небольшой паузы я услышал осторожный голос Коломийца, обвинить которого в паранойе было невозможно:

– Мне показалось, что мы не одни на лестнице...

– Отдохни, Саня, отдохни! Я уверен – Лисин отпустит!

– Эти игры с телевизором в холле... Ты знаешь об этом?

– Боже мой! От тебя убудет, что ли? Ну, попросили тебя – ты прилепи! Лисин знает, что все шастают к плазме, потому что там шнур из гнезда вываливается! Слава богу, он главного, говорят, не знает... а то бы он за эти маневры задницу кое-кому разорвал...

– Не знаешь, выходит... Может быть, я просто обижен и оттого галлюцинирую, – не попад забормотал Коломиец. – Но Гена... Я об авторе этих маневров и говорю! Тут что-то не так, и с этим связан, кажется, и Факин тоже! От всего этого – от новобранца, телевизора, от всего можно отмахнуться, но как быть с фактами?

У меня в голове шевелится месиво из мало вяжущихся друг с другом понятий: плазма, телевизор, маневры, карты, Факин, факты... О чем речь, черт возьми?

– Какими еще фактами?

– У меня уже есть о чем поговорить с Игорем...

– Ты сказал, у тебя уже что-то есть?

– Да.

– На Факина?

– К сожалению, нет. Но кто знает, не связан ли он...

– Ты имеешь в виду, что причина не в одном человеке, а в нескольких?

– Именно это я и хочу сказать.

– И ты говоришь, что у тебя на этих людей что-то есть? Какие-то доказательства их злого умысла, направленного на «Глобал»?

– Ты все правильно понимаешь. – Гросс довел Коломийца до того состояния, когда тот не выдержал и принял самодовольный вид.

Вот чего не выбить из Александра, так это его неумения постоянно оставаться простым. Стоит только дать ему понять, что в нем есть что-то, чего нет в остальных, в нем сразу начинается процесс, завершающийся появлением барского вида. И с этого момента нужно потратить немало сил для того, чтобы сбить с него эту уродующую его спесь и превратить в обычного Коломийца. Это его погубит когда-нибудь...

– Что-нибудь серьезное?

Снова наступила пауза, и мимо меня, вниз, полетел пепел. Я даже вижу Коломийца – он сейчас раздул щеки, принял вид Зевса, придумывающего новую проказу для Геркулеса, и точно знаю, что он не выдержит – ляпнет...

Так оно и вышло.

– Скажи мне, Гена, на что способна любовь?

– На многое, – соглашается Гросс. – Я, к примеру, третью неделю лечусь.

Моя нога соскальзывает со ступени, и раздаётся шарканье.

Разговор мгновенно прекращается.

Я тоже молчу. Мне нечего сказать по поводу того, что на складе готовой продукции у меня работает человек, которому место в кабинете врача кожно-венерического диспансера.

– Что это? – едва слышно спрашивает Коломиец у Гросса.

Тот менее подозрителен:

– Голубь, наверное, с подоконника снялся... Так о чем ты? А, Факин...

– Факин – в первую очередь!

– Перерыв заканчивается, – напомнил Гросс.

– Ладно, двигай к себе в амбар. Вечером ходим в «Сахар»?

– Я ставлю пиво.

Дверь хлопнула, ставя в разговоре точку.

– Интересно, почему пиво ставит кладовщик, а не Коломиец, чья зарплата в три раза больше, чем у Гросса? – пробормотал я, слушая, как затихает эхо и на задымленную лестницу спускается тишина.

Я уже почти оторвался от перил, как вдруг мне на плечо упал, выбив искры и больно кольнув одной из них в ухо, чей-то бычок.

Отшатнувшись, я быстро скинул пиджак и в ярости обнаружил, что брошенный кем-то окурок прожег мой «Зегна». Моя ярость удвоилась. Производитель этой марки уверяет, что костюму не страшны ни огонь, ни вода, и потом... я для кого, мать-перемать, приказы пишу?! Разве я не запретил дымить на лестнице, сукины дети!..

Я не успел толком подумать над тем, кто именно бросил окурок мимо банки из-под кофе – Коломиец или Гросс, как вдруг этажом выше той площадки, где они стояли, тоже хлопнула дверь, и стало тихо так же, как и прежде.

Это что получается?.. Пока я курил этажом ниже Коломийца, кто-то курил этажом выше его?

Я посмотрел на пиджак. Ему конец. Нужно побыстрее подниматься в кабинет и вынимать из шкафа запасную пару. Хозяин ста миллионов капитала Игорь Лисин с дыркой на плече

выглядит столь же необъяснимо, сколь необъяснимо выглядел бы Боря Моисеев, если бы вдруг появился на вечеринке с женщиной.

Перекинув на руку уничтоженный нарушителем трудовой дисциплины пиджак, я посмотрел под ноги. Рядом с моей левой туфлей лежало орудие преступления – окурок, вытянутый почти до фильтра. Вздохнув, я присел и не без презрения поднял его.

KISS LIGHTS SUPERSLIMS.

Ба, женские!.. Тоненький, розовый бычок, вынутый из блядских губок и убивший мой «Зегна» за две с половиной штуки!

«KISS... ТЕПЕРЬ ОН ТВОЙ» – звучит в моих ушах рекламный слоган, и это голос хриплой прожженной проститутки.

Да, сучка, теперь он мой, спасибо!..

Подкинув его и поддав ногой, я перекидываю пиджак через плечо таким образом, чтобы не было видно дырки, и иду вниз с сатанинской улыбкой на лице, являя собой лучший образчик демократически настроенного топ-менеджера. Никто не догадается, о чем я думаю, а думаю я таким образом: «Найду, убью суку».

«Нужно пригласить аудиторов, чтобы свели на складе дебет с кредитом. Никто не поручится за то, что в эти два случая из десяти Гена Гросс может не отдавать себе отчета в том, что делает. Я знавал одного кладовщика, не своего, слава богу. Тот крал товар у хозяина, чтобы продать, а бабки отправить в дом престарелых. Я не против помощи престарелым, я против расхищения своих денег».

На первом этаже меня встречает начальник охраны, и он удивлен. Я бы на его месте тоже удивился. Еще бы! Президент только что поднялся наверх, а сейчас он снова в холле. Начальник охраны знает, что я любитель внезапных проверок, и потому удивление на его лице уступает место напряжению.

– Что-то случилось? – спрашивает меня он, Старик, пенсионер СВР.

– Давно у этого телевизора проблемы?

Начальник охраны бросает на плазменный экран недобрый взгляд и мрачнеет на глазах. Его бы воля, он расстрелял бы этот телевизор из табельного «макарова».

– С месяц, наверное. Лезут в эту мудату своими кривыми ручками, лезут... – по движению его губ я заметил, что он добавил еще «суки», но не произнес. Я знаю, мой Старик органически не переваривает корпорации, подобные моей, но я хорошо плачу за любовь к нелюбимому. – Говорят, антенна вываливается из разъема.

Я направился к лифту в надежде, что кто-то подойдет к нему с ключом. На входе в лифтовую площадку я столкнулся с Зиной Пашковой. Когда двери разъехались и я предстал перед ней в исподнем, она ойкнула от неожиданности и залилась краской.

– Куда?

– Пятнадцать минут до конца обеда осталось, я хотела Катю посмотреть...

Во мне заговорил сыщик Третьего охранного отделения тайной полиции.

– Куришь?

Краска с ее лица ушла, ее место заняло молоко.

– Я только в курилке...

– Что куришь?

Она сунула руку в кармашек узких брючек и вытянула пачку с таким обреченным видом, словно это была прокламация.

VIRGINIA SLIMS. МИНИАТЮРНАЯ. НО С ХАРАКТЕРОМ.

Господи, что вы курите?!

Я спросил бы Зиночку, кто пользуется KISS, но делать этого нельзя, потому что в этом случае уже через три минуты всем будет известно, что Лисин снова быкует – он ищет тех, кто

курит KISS, и явно не для того, чтобы повисить зарплату. После этого KISS в офисе будет не найти.

Вместе мы поднялись на лифте, и я вернулся в приемную, где меня уже дожидался Лукин. Посмотрев на часы и убедившись, что перерыв еще не закончен, я прошел было мимо, но Лукин меня остановил.

– Игорь Игоревич, есть тема.

– Я запретил разговаривать о работе с тринадцати до четырнадцати и оставаться в офисе после восемнадцати, – напомнил я.

– Пока не поздно, – голосом сентиментального наемного убийцы предупредил он.

Опаздывать я не люблю, и они это знают. Если для проникновения в пещеру с сокровищами нужно произнести «Сим-Сим, откройся», то для того, чтобы стать объектом моего внимания, достаточно лишь предупредить о том, что я могу куда-то опоздать. Они это знают.

– Любимый, – я вытянул пиджак перед собой и с ненавистью рассмотрел его в последний раз.

– Что случилось, босс? – участливо поддержал разговор Лукин.

– Поднимался по лестнице, какая-то мерзавка швырнула окурок, и тот прожег мне плечо.

– Хотите, я лично займусь этим?

Во мне забушевали бесы. Я ненавижу лезть во всех ее проявлениях, и вот это «хотите» лишь убедило меня в том, что визит Лукина – не по делу.

Распахнув шкаф, я вытянул из упаковки фирменный пакет «Глобал», с раздражением запихал в него пиджак, пакет в сумку и сумку бросил под стол.

– Давай быстрее, что там у тебя?

Чувствую, что это мелочь: скорее всего, Лукин принес мне план мероприятий, которыми я должен проникнуться и изгнать навсегда Коломийца из компании, наверное, это какой-то компрометирующий Коломийца слух. Лукин спустя месяц окончательно убедился, что тянуть ляжку тяжело, а Коломиец ему в этом деле не помощник, а потому нужно срочно что-то придумать. Что-то неординарное. Я уверен в этом, но все равно киваю. Лучше потерять четверть часа перерыва впустую, чем потом пеплом посыпать голову, сожалея о совершенной ошибке. Не исключено, что Лукин помудрел за месяц и его осенило.

Не успел я сесть за стол, как помудревший Лукин сказал:

– Игорь Игоревич, как исполняющий должность начальника отдела, я считаю, что Факина...

Он на мгновение замолчал, и я уже было собрался мысленно закончить за него фразу «сакраментальным»... нужно увольнять», как вдруг осекся, потому что услышал:

– ...в общем, считаю целесообразным принять как факт, что его следует принять на работу, закончив тем самым его испытательный срок.

Теперь я точно знаю, кто оставил наскальный рисунок в туалете последним.

Месяц назад в нашем сияющем чистотой и богатством убранства мужском сортире, в средней из трех его кабинок, на одной из бледно-коричневых итальянских плиток появилось сообщение, исполненное белым маркером:

«У СНИ К. ДЛИННЫЕ НОГИ, НО ОЧЕНЬ КОРОТКИЕ РУКИ».

Речь шла, по-видимому, о Софье Валентиновне Косторминой, финдиректоре.

Первого писателя я вычислил быстро. Мне и времени нечего было терять, чтобы догадаться, – автором является Герман Попович, ее подчиненный. Приблизительно в тот самый день, когда появился наскальный рисунок, она пыталась его уволить, для чего и явилась ко мне с предложением. Но я отказал, потому что второго бухгалтера Поповича стоило поискать.

Для того чтобы проверить, насколько хорошо справляется со своими обязанностями техничка тетя Даша, утром следующего дня я зашел в ту же кабинку и понял, что попал на форум.

Под старой маркерной мыслью светилась новая, только теперь уже красная:

«ТАМ, ГДЕ НАВОЗ, ВСЕГДА ВСЕ РАСТЕТ ЛУЧШЕ».

Промучившись над вопросом, у кого из сотрудников есть огород, я явился в ту же кабинку к обеду.

«ТОГДА ПОЧЕМУ У МАШИ ТАКИЕ ДЛИННЫЕ ВОЛОСЫ?» – прочел я синюю надпись, тоже без претензий на авторство.

Признаться, меня интересовала уже не халатность тети Даши, а сама постановка проблемы. Действительно, почему?

К этому следует добавить еще и тот факт, что писать на керамической плитке карандашом или ручкой, то есть теми предметами, которые могут находиться в кармане внезапно почувствовавшего нужду сотрудника «Глобал», невозможно. А это значит, что все, кто входил в кабинку, безоговорочно давали согласие на участие в этом ЖЖ и, позабыв о главной проблеме, на полусогнутых бежали в свой кабинет. Там они прихватывали пригодный для письма инструмент и только после этого возвращались, запирались и гадили. И в это время к ним приходили лучшие из мыслей.

«ГДЕ?» – прочитал я к концу рабочего дня.

«НА ГОЛОВЕ», – на следующее утро.

И к обеду: «СЧИТАЮ ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ ПРИНЯТЬ КАК ФАКТ, ЧТО У СОНИ ДЛИННЫЕ ВОЛОСЫ, ПОТОМУ ЧТО У НЕЕ ВМЕСТО ГОЛОВЫ ЖОПА».

– Лукин, не вы ли месяц назад стояли в актовом зале с транспарантом «Бей вора»?

– Это была ошибка, которую я, как руководитель, признаю.

Главное в ответе – «я как руководитель». Лукин и мысли не допускает, что скоро все перевернется. Как раз в тот момент, когда в отделе снова начнется брожение, которого я не наблюдаю уже неделю.

– И что же вас подвигло принять это как факт?

Лукин вынимает из папки документы и выкладывает на мой стол. Он, менеджер, мгновенно превратившийся в руководителя, почему-то считает, что президент компании Лисин тотчас бросится читать его писанину.

– Что там? – Я встаю, зеваю и, отходя к окну, вынимаю пачку. Я решительный противник запрета курения, но в кабинете позволяю курить только себе. Для всех остальных существует курилка, куда я время от времени направляю курящую Риммочку для сбора свежих новостей (если можно назвать свежими новости из курилки).

– Факин случайно высказал одну мыслишку, и она вдруг натолкнула меня на идею.

Я перевожу: «Мне, разбирающемуся в тактике, но ни хрена не соображающему в стратегии, новичок Факин разъяснил умнейшие вещи, и теперь я хочу получить патент на свое имя».

– Прежде чем погружаться в идею, зачатую от случайной мыслишки, я хотел бы расспросить вас, что из себя представляет Факин. Вы знаете его уже тридцать дней за вычетом выходных, так что это за человек?

Когда разговариваешь с сотрудником-карьеристом, временно поднятым из низов и думающим, что сделано это благодаря его непревзойденному профессионализму, следует принимать во внимание, что все, что он будет говорить, имеет двойной смысл. Он никогда не скажет правду, а потому выражаться будет штампами, дабы, не дай бог, не совершить ошибки и не дать повода усомниться в непревзойденности его профессионализма.

– Ну, этот человек способен решать любые проблемы.

«Факин обязательно найдет того, кто выполнит за него работу», – догадываюсь я, вспоминая истерику Коломийца.

Лукин решил один раз подумать долго, чтобы потом отвечать без запинок и не выглядеть тугодумом.

– Он демонстрирует интуицию, свойственную опытному работнику. – И в знак того, что это так, новоиспеченный начальник отдела даже покачал головой.

Это ясно. Рома Факин умеет держаться поближе к кухне, подальше от начальства и исчезать в тот момент, когда руководство занято поиском того, кто поедет на склад.

– Как ни странно, он довольно хорошо разбирается в работе отдела продаж.

«Еще ни разу серьезно не провалил вверенный участок работы – понятно, однако нет в этом ничего удивительного, если принять во внимание, что он всегда найдет того, кто выполнит за него работу».

– Быстро схватывает основные принципы работы то есть, – объясняет мне Лукин и добавляет: – Но больше всего мне нравится, что он лоялен. Он четко соблюдает все правила и инструкции.

«Это оттого, что его нигде больше не возьмут на работу», – объяснил бы я Лукину, если бы видел в нем человека, которому можно это говорить. Но он мое молчание понимает как глубокую задумчивость над его предложением.

– Словом, этот человек удивительно к месту пришелся.

– Вы считаете целесообразным принять как факт, что это решать вам, а не мне? – оторвавшись от затяжки, я склоняюсь над Лукиным.

По бегающим глазам и. о. видно, что он пытается сообразить, что из сказанного им лишнее.

– Он часто спрашивает совета у коллег, – мямлит Лукин, которому зачем-то позарез необходимо, чтобы я вставил Факина в штат. – Придерживается своих, но справедливых принципов...

– То есть всех уже доконал и ко всему еще и баран упрямый? – наседаю я, размышляя над тем, зачем все-таки Лукину понадобился Факин, находящийся в компании без году неделя. – Вы считаете, что меня возбуждают такие характеристики?

– Он нужен нам, – жалобно и безнадежно, но упрямо пробормотал Лукин и, вытянув плохо развитую шею, указал подбородком на папку. – И желательно, сразу в роли главного менеджера... Мы не пожалеем.

«Мы». Так скоро Лукин доберется и до моего кресла. И что же это за Факин такой, что через месяц надсмотра за ним у ВРИО начальника отдела возникает желание назначить на должность главного менеджера его, а не тех, кто проработал с Лукиным пять лет?

– Случайная мыслишка, гигантская идея, – захватив папку, читать которую теперь, когда и. о. Лукин снова превратился в менеджера Лукина, можно и нужно, я стал перебирать листы. – Что это?

– Факин предлагает... В общем, я обдумал и решился высказать вам одну дерзкую, но, как мне кажется, перспективную идею... Игорь Игоревич, нам нужно закрыть все фирменные магазины «Глобал», избавившись от них, как от балласта, и увеличить объемы продукции, передаваемые на консигнацию...

И в этот момент в коридоре раздался истерический женский крик.

Последний раз я такой слышал четыре года назад в Египте, когда жена одного парня из «РАО ЕЭС» наступила на морского ежа.

Моя рука, давящая окурок в пепельнице, замерла.

Я машинально посмотрел на часы...

– Лукин, вы высказываете мне эту мысль вслух, зная, что фактически находитесь на испытательном сроке, могущем гарантировать вам место начальника отдела продаж?

Изумление мое было столь велико, что горячий пепел жег мои пальцы, а я заметил это только тогда, когда Лукин ответил:

– Я осознаю этот риск.

И только в этот момент я почувствовал острую боль.

Через минуту мне станет куда больнее, но я еще не знал об этом...

– ...Игорь, – тихо позвала Женя. – Простите, что снова прерываю вас. Но я только что посмотрела на часы и поняла, что через четверть часа за вами придут. Мне бы хотелось закончить этот день логично. А логичным будет ваш рассказ об одном человеке. Вы многократно назвали фамилию «Факин», но я до сих пор ничего конкретного о нем не услышала. Между тем для меня уже очевидно, что он играет не последнюю роль в этой истории.

– Я как раз собирался это сделать. – Лисин улыбнулся, и Женя поняла, что он не обманывает ее, будучи застигнутым врасплох и уличенным в непоследовательности. – Самое время говорить об этом человеке как об отдельном герое.

Глава 5

Так все-таки, ху из мистер Факин?

Откуда он взялся?

Я не знаю откуда, но знаю как.

У него уже тогда с документами было не все в порядке, я так думаю, что их у него вообще не было, а если и были, то такие, что лучше бы уж их у него действительно не было. Он пришел, когда за окнами расплывался лужами апрель, а в распахнутые настезь окна кабинетов проникал, словно вор, сочный, пахнущий ландышами воздух. Но стоило только выйти из кабинета в коридор, как становилось ясно, что зима еще в силе – свет горел даже днем, и офис был по-прежнему пропитан скучным запахом дешевых духов девочек-побегушек из числа рядового персонала. Через неделю техперсонал перейдет с искусственной вентиляции на естественную, и ветер вышибет из коридора застоявшийся и порядком подкисший букет контрафактных «Инсоленс», «Кензо Амур» и прочего, что через десять минут после нанесения на кожу пахнет, как средство против гнуса. Офис посвежеет, и это будет первым признаком того, что пришла весна.

В глазах его царила бесшабашная уверенность, хорошо маскирующая легкое волнение, он держал, словно для подачи на подпись, какие-то бумаги. Факин стоял и мялся у двери, словно был целкой-практиканткой, принесшей миску щей привезенному из сумасшедшего дома для опытов и теперь привязанному на хлипкую цепь извращенцу. Между тем за президентом «Глобал» Лисиным фактов кровавых разборок не помнилось, в дугу гнул – было дело, но с чего бы это ему понадобилось рвать в клочья только что прибывшего для собеседования новичка, которого и не видел-то до этого ни разу?.. Я смотрел на этого паренька с затравленным взглядом и понимал, что он в этой компании – не жилец. И, словно доказывая, что мир наш противоречив и подчас не поддается логике, как-то сразу в меня заползла и неприязнь. Кто он, откуда, зачем здесь? А не для того ли прибыл, чтобы меня перевели из теплого офиса в тьмутаракань, освободив мое кресло под эту мнущуюся у дверей задницу? Неприязнь к этому человеку, еще не причинившему мне никакого вреда, забралась под кожу и начала властвовать.

Что он ублюдок, я не мог сказать, так как не знал его, но что он мне не понравился с первого взгляда, было бесспорно. Если бы кто заставил меня в тот момент написать его внутренний мир, то преобладающим мотивом в портрете было бы спокойствие. Так выглядит умеющий держать себя статист из числа публики, которого дрессировщик попросил подержать крокодиловы челюсти, пока вставляет в них голову. Ни разу не видящий по телевизору, как крокодил отрывает головы у буйволов, этот человек слепо следует указаниям, уверенный в том, что мир – это порядок, и что каждый отвечает за свое направление этого порядка, и что если дрессировщик просит подержать челюсти, то это не прикол, а человеческая просьба, не выполнить которую невозможно. Что же касается его мира внешнего, то рассматривать его следует отдельно от внутреннего, настолько разные были эти форматы. Ледяное спокойствие с тревожными мазками удачно дополняет портрет адвоката, одетого в дорогой костюм от Армани, банкира в паре от Бриони, но никак не тот гардероб, что предстал пред моими глазами в то утро разгулявшегося апреля. Джинсы с барахолки, джинсовая курточка, а под нею – майка, а еще ниже – плохо вытертые в холле туфли – вот то, в чем счел возможным явиться на собеседование в компанию «Глобал» молодой человек лет двадцати пяти на вид. О том, что он не пиццу принес, а явился для устройства на работу, мне шепнула выскочившая из приемной секретарь Римма Гольцова. Шепнула и проскользнула мимо, оставив после себя шлейф аромата настоящих, привезенных из Франции МЕХХ.

Вскоре он зашел и через двадцать минут вышел. А еще через час наша кадровичка Анна Моисеевна представила отделу продаж нового сотрудника. Так в «Глобал» появился новый сотрудник, и имя его – Роман Факин.

Ничего, сказал я себе, с такой фамилией здесь долго не живут. И потом размышлял над тем, чему радуюсь. Во-первых, он вступил в должность менеджера отдела продаж, а никак не в совет директоров, во-вторых, я бы мог и не принимать его на работу, поскольку «Глобал» – это моя компания, и никакой угрозы для меня этот невозмутимый молодой человек представлять не может. Мы, топ-менеджеры, склонны к аллегориям. Для нас, тридцатилетних, двадцатипятилетние – молодые люди, не иначе. И в этом кроется гораздо больший смысл, чем просто возраст. Но вот это-то в первую очередь и настораживало: молод, да резв...

Я не мог его не принять, и объясню почему. В рядовом сотруднике с улицы, в человечке в турецких джинсах «Райфл», я впервые увидел личность, которую мне тут же захотелось обломать. Не сыграв по-мелкому, не применив обычную схему постановки ретивых в стойло, а именно – побороться. И уже не так важно было, что он действительно умен, начитан и невозмутим и для компании очень значим.

Дело в другом. Я понял, что *этот человек прибыл по мою душу*. Наверное, раз или несколько в карьере каждого руководителя бьют часы, и судьба предлагает ему проверить, насколько к лучшему или худшему он изменился за последнее время. И тогда к нему приходит такой вот Факин. Непонятный засланный казачок из неразъясненного ведомства – я склонен думать, что скорее из небесной канцелярии. Из ее отдела по планированию на Земле практической конфликтологии. Приходит и предлагает свои услуги в качестве стафа, на самом же деле вызывая на драку. Это что-то вроде аттестационной комиссии на адекватность президента, проверка его профессионального мастерства. Кому-то наверху, очень наверху, показалось, что президент ослаб умом, и следует немедленно выяснить, так ли это.

История эта случается с каждым владельцем бизнеса в тот момент, когда тот вступает в конечную стадию своего становления крупного руководителя. Именно в тот первый день своего последнего срока, когда он начинает входить в свою компанию через парадное крыльцо уставшим более, чем выходя из нее. История подстерегает его в тот момент, когда он устает уже не на работе, а дома, без нее. И тогда появляется мистер Факин. И сразу, почуяв, что к чему и каковы могут быть последствия оного, можно пойти только одной из двух дорог: отказать Факину, чтобы он направился исполнять свою миссию в другую компанию, или принять его, чтобы уничтожить. В первом случае нужно готовиться к тому, что повторный визит его случится в недалеком будущем, и теперь уже распознать в новобранце Факина будет втрое сложнее, а последствия его появления вдесятеро разрушительнее. Переломив же его о колено при первой встрече, вмяв и обезвредив, ты гарантируешь себе положительный отчет и спокойствие на долгие годы.

Я выбрал второй путь, и не нужно требовать у меня объяснений, почему я так легкомысленно поступил, поскольку я их только что дал.

Он пропустил меня в приемную, а после вошел сам. Спросил, не я ли президент, после чего попросил разрешения войти и представился. В общем, делал все правильно. Я добавил бы еще: рассудительно и спокойно, но не буду этого делать, так как и без того уже понятно, кто таков Роман Факин.

– Я прочел в газете объявление об образовавшейся вакансии менеджера торгового отдела, – сообщил он и наконец-то опустил свои бумаги. – Опыта у меня никакого нет, но есть образование и трудолюбие. В газете было указано на обязательность отправки резюме по факсу. Но я решил, что меня сразу отбредут, если узнают, что у меня нет никакого опыта.

– И поэтому с первой минуты решил поступать вопреки требованиям компании, – закончил я за него. Откинувшись на спинку кресла, я посмотрел на него внимательным взглядом. Факин как Факин, ничего примечательного...

– Я рассуждал с позиций здравого смысла. Нарушить требования компании я не могу, поскольку сотрудником ее не являюсь, – сказал он. – «Глобал» – известная компания, и многие, наверное, хотели бы получить в ней работу. Таким образом, пока остальные будут демонстрировать мнимую лояльность организации и слать резюме по факсу, которое и читать-то толком никто не будет, я проявлю лояльность истинную – приду лично и произведу на руководителя впечатление.

– Вы уже произвели. – Я посмотрел на его белые на коленях джинсы. Белые не по замыслу дизайнера, а от старости. – И это впечатление не из тех, что толкают на подписание приказа о приеме на работу.

– Вы по внешнему виду судите, понимаю, – удивительно невозмутимо согласился Факин. – Но Толстой ходил босиком и в рубище, а Достоевский в общественных столовых крал бесплатный хлеб.

– Крал, заметьте, – выдержав паузу, чтобы его речь затихла в его ушах и смысл сказанного мною дошел до него быстрее, возразил я. – Не требуя его у заведующего столовой, а пряча себя за газетой. Впрочем, что это мы сразу с классиков... Вы в армии служили? – прошелся я по самой больной для нынешнего поколения молодых людей теме.

Он подумал – ровно столько, сколько требовалось для правильного ответа. И спросил тихо, осторожно, словно однажды уже бывал за это бит:

– Я же не в парашютно-десантный полк пришел записываться?

Тут я еще кое о чем вспомнил.

– Мы тут дипломами потрясали... У вас какого цвета и какого вуза?

– У меня не вуза. У меня – техникума, – он добавил к зажатым в руках бумагам корки неопределенного цвета. – Торгового техникума... Вот, пожалуйста!

– Благодарю, не интересует.

У меня за плечами еще недавно тоже был техникум, только строительный. О «верхнем» образовании я и не помышлял, и не потому вовсе, что не был в силах одолеть программу университета, а просто не видел в этом необходимости. Закончив технар, я сразу организовал компанию и с этого дня ни разу не вспоминал о дипломе. Я знаю, что и в универе не научат ничему из того, что нужно, а любой диплом можно купить в метро за пятьсот баксов. Я знаю типа, который купил себе корки вуза имени Баумана за шестьсот и попросил сделать так, чтобы его в случае необходимости помнили еще пара профессоров. Попросили доплатить еще четырехста, он доплатил, и теперь его помнят. Но в какой-то момент иметь настоящий диплом стало модно, и мне пришлось поступать в МГУ. Естественно, помогли. Естественно, небезвозмездно. Но учился я сам, и пересдавал я тоже сам, и продолжалось это ровно столько, сколько запланировал Фурсенко. Словом, не было у меня удивления оттого, что кто-то имеет не высшее образование, а техническое.

– А вы представляете, чем должен заниматься менеджер отдела продаж?

– Нет. Но и вы лет пять назад не представляли, чем должен заниматься президент компании.

Именно в этот момент я и стал подозревать, что судьба подслала ко мне казачка.

– Сказать, что таким образом вы ориентированы на гораздо большее, чем должность менеджера, не значит слишком погрешить против истины?

– Мне нужно многому научиться.

Умный мальчик. Сейчас спросишь – «что это значит?» – и тотчас опустишься на пару пунктов ниже. Как и ожидалось мною изначально, мои первые попытки записать в его резюме минусы потерпели фиаско – минусы медленно, но уверенно перечеркивались и превращались в плюсы.

– А вы в курсе, что в «Глобал» нет учебного заведения, готовящего собственные кадры?

– Если человек хочет стать профессионалом, ему не нужны уроки, – на этот раз не думая, сказал Факин. – Человек обязан постигнуть все сам.

– Как Достоевский, видимо, который не учился в литературном вузе, – улыбнулся я лисьей улыбкой. – Но он работал на себя, и крал хлеб вовсе не во время приступов kleптомании, а именно в те моменты, когда у него дела шли неважно. Но если вы думаете, что я возьму на работу человека, заведомо зная, что дела у него сразу пойдут неважно, и из-за этого весь персонал пойдет красть хлеб, чтобы не помереть с голоду, вы жестоко ошибаетесь. Быть может, потом, через сто лет, когда не будет ни Лисина, ни его «Глобал», кто-то скажет: «Вот Факин, какой был умище!», – но я не строю планов на сто лет.

Он посмотрел сначала на свои туфли, потом на мои.

– У вас неверно ориентирована политика продаж.

– Что? – бросил я, посчитав, что ослышался.

Он посмотрел в окно, потом на меня.

– «Глобал» производит корм для животных и имеет собственные магазины. Реклама по ТВ, растяжки, щиты – на них изображены либо лабрадорша Путина, либо терьер Буша. Ну, я видел еще дога, не знаю, чей он. Наверное, Грызлова. Между тем корм недорог, и его может купить своему любимцу любая старушка. Но входить в магазины с зеркальными дверями бабка не станет, поскольку подозревает, что этот корм куда дороже супового набора, что она покупает себе и деду. А в рекламе не сказано, что консервами можно кормить и дворняг. Очень жаль. Потому что пятьдесят процентов домашних питомцев как раз непородисты. «Глобал» теряет половину реальной выручки из-за неверной маркетинговой стратегии. Если вы не берете меня на работу, то не могли бы выплатить мне гонорар в сто долларов за неплохую идею? Я не Достоевский, но и хлеб нынче на столах не бесплатен.

Я обалдел.

– Быть может, светом разума вас осветили еще какие-то идеи?

– С какой стати я должен их перекачивать бесплатно? – невозмутимо (я все-таки не удержусь и еще раз упомяну это слово – «невозмутимо»! – и дальше клянусь его не произносить) спросил меня Факин.

– Из скольких компаний вас уже выставили?

– Из трех.

– Что вы там говорили? О логике личного появления, Толстом, Достоевском...

Дождавшись «армии», он остановил меня жестом руки:

– Вот именно здесь меня и выставляли.

Почесав висок и убрав со стола ноги, я припустил на лицо меланхолии. На самом же деле во мне бушевали демоны. Факин, этот безработный теоретик продажи собачьего корма, Факин, серьезный и желающий получать за труд справедливое вознаграждение, он еще не понимал, зачем столкнула нас жизнь. Я же был уверен, что скоро он поймет и впереди у меня большие хлопоты. И тем сильнее было мое желание уничтожить Факина сейчас, дабы он не явился ко мне в новом обличье в будущем. Тогда, когда я буду чуть слабее.

– Скажите, как вас... нет, имя я запомнил... Факин? Да, Факин. Так скажите, Факин, если бы я попросил вас выяснить путем опроса, что пожелали бы люди добавить к имиджу компании, как бы вы сформулировали вопрос?

Секунду подумав, он ответил:

– «Что вам не нравится в компании „Глобал“ или предлагаемых ею услугах?»

Я удовлетворенно качнул головой, потому что с первого раза попал в яблочко.

– И тут я вас сразу бы уволил.

– Почему?

– Потому что никогда нельзя задавать вопрос, ответ на который заставляет человека признать, что он совершил ошибку, выбрав компанию «Глобал». Люди, которым вы будете зада-

вать этот вопрос, считают себя умными. Абсолютно все. Поэтому никогда не спрашивайте их, что им в вас не нравится. Они же вас, черт возьми, вас выбрали. Они что, ошиблись, то есть – идиоты?

Он даже не смутился. Просто переступил с ноги на ногу, мерзавец.

– Ладно, Факин... Возьмем ситуацию из жизни обычного менеджера отдела по продажам. В магазине слева отдел «Глобал», справа – отдел «Педигри». К вам, озираясь на «Педигри», подходит клиент и просит корм для собаки. Он не просит конкретный, он лишь указывает на вес пса. Что вы сделаете, чтобы он быстро купил товар и не отошел к «Педигри»?

– Я выложу перед ним все упаковки. Которые есть: с кроликом, индейкой, рыбой... С чем там еще? После этого ему глупо уходить к «Педигри».

– Статистика показывает, что именно после того, как вы усложните покупателю процесс принятия решения и запутаете его, он и отправится к «Педигри». И там сообразительный продавец выложит перед ним одну-единственную упаковку со словами: «С печенью едят все, от такс до шарпеев». Он же видит, что перед ним лох. Только дуры на вещевом рынке в Черкизово, наблюдая, как девчонка меряет юбку, достают другие и говорят: «А вот еще новые модельки, только пришли». После этого девочка натягивает свою старую и отваливает, не замечали?.. Вы усложняете жизнь нашему клиенту, Факин, узнав об этом, я вас сразу уволю.

– Ну, я бы мог поспорить с этим...

– Не нужно со мной спорить, Факин, потому что как только вы займетесь этим, вы мгновенно будете уволены.

Факин посмотрел на меня взглядом, которым, наверное, одаривал всех своих несчастлившихся работодателей.

– Это был что, экзамен по маркетингу?

– Факин, вы такой умный, вы знаете, что Толстой босиком ходил. И при этом уверены, что я беру на работу всех, кто входит ко мне в приемную? Я похож на глупца? Или на Яромира Ягра, который в прошлом году, раздавая после Кубка Стэнли автографы, случайно подписал контракт с казанским «Ак Барсом»?

Рома помрачнел. Он все понял.

– То есть я не принят на работу? Как я понимаю, вы достаточно ясно убедились в том, что я абсолютно недееспособен?

– Отвечу на ваши вопросы в обратном порядке тому, в котором они поступили. Я только что убедился, что в том виде, в каком вы ко мне явились, вы моей команде не просто бесполезны, но и опасны, – дотянувшись до телефона, я нажал кнопку вызова и включил громкую связь.

Кадровичка тотчас отозвалась своим знаменитым контральто.

– Анна Моисеевна, сейчас к вам подойдет молодой человек по фамилии Факин... – Я еще раз подумал, правильно ли поступаю. – Так вот, на испытательный срок три месяца на должность менеджера торгового отдела с окладом согласно штатному расписанию.

– Объявление в СМИ снимать?

Я посмотрел на Факина, порозовевшего и оттого еще более помолодевшего. Он совал мне какие-то документы, словно предлагая убедиться в верности моего решения, и был так уверен в их силе, словно это была рекомендация от самого Анкла Бенса. Но я знал цену этим бумагам – ломаный грош.

– Не нужно, – глядя на Факина, велел я кадровичке. – Собирайте резюме, отберите пяток самых подходящих. Свяжитесь с авторами, скажите, что проверка займет три месяца. Если такой вариант им не понравится – скатертью дорога.

Не было у бабы проблем – купила козу. Если бы не лабрадор Путина, я бы все равно продолжил разговор и чем-нибудь зацепился. Я взял Факина, потому что не мог не взять. И будет лучше, если я обломаю этого менеджера отдела по продажам без образования сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.